

Курорт, опасный для здоровья? Исследуем проблему
 Армия. Мысли вне строя
 Рассказ Элизабет Прайс «Когда уже слишком поздно»
 Суд и честь Лидии Левицкой. Очерк
 Больница. ...Минус милосердие
 Каким будет 1990 год? Мнение астролога

СПОРТ

18

Фото Андрея ГОЛОВАНОВА

Драмы футбола
 (Читайте стр. 22—23)

Владимир АНИСИМОВ, специальный корреспондент «Смены»

АЛЬТЕРНАТИВА

«ЗЕЛЕННЫЕ» ПРОТИВ «КРАСНЫХ»

В тот самый день, когда группа народных депутатов обратилась к правительству с настоятельной просьбой остановить строительство Крымской атомной электростанции, я списывал слова с многочисленных плакатов на стройплощадке у Азовского моря:

«Обеспечим пуск первого энергоблока с высоким качеством и в срок!»

Наверное, кому-то этого показалось недостаточным, и рядом водрузили:

«Комсомольцы! Досрочно построим, досрочно освоим!»

Восхитительны предусмотрительность и оптимизм строителей, не поставивших точную дату. Неважно, что редактор еще покоится на подъездных путях, да и сама судьба станции под большим вопросом. Главное — вдохновить народ мощным лозунгом. Одна беда — не вдохновляются. Бегут со стройки. Бывшей Всесоюзной ударной комсомольской...

Молодой мастер АЭС Александр Люткевич прислал нам весьма ехидный отклик на статью «Крым: зона особого риска?» («Смена» № 21, 1988 г.). Он привел список заголовков из крымских газет до и после мая 1988 года. До: «Растет, атомная!», «Растет атомная», «Шаги большой стройки», «Мирным будет атом», «Поселок, полный солнца» (Печатали даже такие стихи: «... Я слышу, первоклассники по буквам читают: Ленин, Родина, прогресс, работа, мама, коммунизм, АЭС...»). После: «Курорт и АЭС несовместимы», «Мы решительно против!», «А благородна ли цель?». Можно допустить, резонно замечает А. Люткевич, что в те годы нельзя было критически отзываться об атомной энергетике. Но кто заставлял воспевать?

Нет, не сразу после Чернобыля общественное мнение повернулось на 180 градусов. Даже в феврале 1988 года «Крымская правда» публиковала материал «Набрать ускорение на строительстве Крымской АЭС»... А потом «вдруг» выяснилось, что и проект станции плох, и выбор площадки никуда не годится, и строители всегда работали безобразно — нарушали технологию, закладывали в фундамент первого блока низкомарочный бетон, допускали кошмарное количество брака.

Поворот общественного мнения произошел, когда независимая ученая комиссия установила величину максимально возможного землетрясения в районе АЭС — не шесть баллов, как считалось раньше, а девять. Плюс один балл добавила на особенности местных грунтов. Итого — 10 баллов!

И в Крыму началась «гражданская» война между «зелеными» и «красными» — атомщиками. Когда я прочел все, что напечатано в прессе о «красных», у меня сложился яркий образ узколобых технократов, готовящих второй Чернобыль, гибель Крыма, Азовского и Черного морей. Они беспрерыв-

но лгут, говоря о безопасности и безвредности своей станции.

Еще в прошлом году обком партии и облисполком просили Совмин СССР перепрофилировать АЭС под учебный центр атомщиков. Весной такую же просьбу внесла сессия облсовета. Потом — народные депутаты. Результат крымчане видят: сколько ни проси — АЭС строится. Недовольство растет: раздавались призывы к забастовкам, пикетированию стройки...

Даже «свои» подбрасывают горячее в эту накаленную обстановку. Сначала в районной газете появляется информация такого содержания: в райцентре Ленино и поселке энергетиков Щелкино состоится премьера документального фильма «Порог» (продолжение «Колокола Чернобыля»). Зрители встретятся с создателями фильма... Через день в той же газете короткое сообщение: кино не будет «за неимением в кинопрокате документального фильма «Порог». Подпись — «Дирекция киносети». А как же лента, которую привез с собой режиссер Р. П. Сергиенко?!

Понятно, инициатива запрета исходила не от кинификаторов, а от районных властей, нашедших какие-то формальные доводы. Возможно, отменили просмотр из гуманных соображений: не волновать лишним раз население картинами чернобыльской катастрофы. Но эта «забота» обернулась вполне предсказуемыми последствиями: люди решили, по аналогии, что и на Крымской АЭС не все в порядке, раз от них хотят что-то скрывать. Вместо просмотра состоялся митинг, организованный «зелеными»...

Положение «красных» тоже незавидное. Пока нет окончательного решения Совмина, они **обязаны** строить, невзирая на протесты общественности и всеобщую ненависть. Правда, в этом году ассигнования урезаны вдвое, но и 28 миллионов рублей не пустяк. Такой компромисс не устраивает никого: «зеленых» — потому что станция продолжает строиться, пусть и медленнее; атомщиков — потому что разбегаются строения.

Вот в такое смутное время попал я в Щелкино.

Хочу сразу обозначить свою позицию: и теперь, после встреч с проектировщиками, строителями, эксплуатационниками я считаю, что Крым не лучшее место для атомной. Некоторые ученые не поддерживают десятибалльный прогноз. Да если и шесть баллов — стоит ли рисковать? Но поскольку вокруг АЭС ходят разные слухи, в том числе и беспочвенные, надо знать и аргументы атомщиков. Хотя бы для того, чтобы общественность не вышла на штурм станции с дрекольем, если Совмин, паче чаяния, решит продолжить строительство АЭС...

«Мы — НЕ САМОУБИЙЦЫ!»

«Крымская АЭС сегодня является тем узлом, в котором сплелись все основные проблемы сегодняшнего дня, — писали в редакцию

молодые мастера Александр Люткевич и Марк Иванов. — Это и грани экологической и ядерной катастрофы, и реальность перестройки, и демократичность принятия жизненно важных решений, и многое другое. Но ведь этот узел связан из живых людей! Как минимум из двух десятков тысяч жителей поселка Щелкино. У каждого из нас своя жизнь, и притом одна, определенная профессия, конкретные планы, семейные обязанности, проблемы. Поверьте, этот живой узел с ужасом смотрит на «великих полководцев», размахивающих кто «зеленым», кто «красным» мечом. Рубить-то хотят по живому!»

При ближайшем знакомстве авторы этого письма оказались вполне симпатичными молодыми людьми.

— Зачем представлять нас, работников АЭС, — спрашивают они, — тупыми монстрами, одержимыми манией погубить все живое на земле? Мы ведь связываем с Крымской АЭС всю свою жизнь. Разве мы похожи на самоубийцу?

— В апреле 86-го я был в Белой Церкви, — рассказывал Люткевич. — Когда товарищ сказал мне о взрыве в Чернобыле, я не поверил. Посмеялся, похлопал его по плечу: мол, не заливай. Понимаете, академик Александров годами вдальблывал нам в головы — «атомная энергетика абсолютно безопасна!» И вдобавок... Основная причина трагедии — та же, что и у всех так называемых «негативных явлений» нашей истории, — забвение общечеловеческих моральных законов. Ведь все защиты были отключены в угоду Системе, с ее погоней за планом, переходящими знаменами...

— У вас все будет иначе?..

Мне показали реактор, провели по энергоблоку, рассказали о системах защиты. Пояснения давал **начальник смены Вячеслав Вайсак:**

— До Чернобыля был принцип — давай энергию любой ценой. В первую очередь — план! На всех АЭС допускали нарушения. Достаточно было вместо реле сунуть кусок картона, чтобы отключить защиту. Руководство закрывало на это глаза. Если ты удержал блок — молодец! А если отключал блок согласно инструкции, рисковал получить нагоняй: «Ты мог вытянуть блок!» Здесь, на Крымской, такие нарушения просто технически невозможны. Все на микропроцессорах, под plombой.

Еще несколько аргументов.

Н. П. Береза, начальник инспекции Госатомэнергонадзора: — Чем Крымская АЭС отличается от Чернобыльской? Там между человеком и топливом был один барьер, здесь — три. В Крыму принципиально иной тип реактора — ВВЭР-1000, а не РБМК. Кроме того, сам реактор заключен в герметическую железобетонную оболочку — это тот же саркофаг.

О. Козак, электрослесарь, председатель совета трудового коллектива АЭС: — Появился какой-то массовый нигилизм — все закрывать, отрицать... Ну, закроем станцию. А в Крыму до

двухтысячного года надо построить 2 миллиона квадратных метров жилья. Где энергию брать? Чтобы реконструировать очистные сооружения на заводах — тоже электричество нужно.

В. И. Танский, директор АЭС: — Общественность требует референдума по нашей станции. Сейчас это бессмысленно, так как мнение заранее известно: «закрывать!». А я бы предложил такой вариант: давайте первый энергоблок введем — и на этом прекратим строительство. И весь миллион киловатт пустим на социальную культуру. Закроем котельные, переведем транспорт на электричество, дадим ток сельскому хозяйству. А потом проведем референдум. Я убежден, что даже если тряхнет 12 балов — весь Крым провалится, одна АЭС останется невредимой. Впрочем, уже при пяти баллах реактор автоматически отключается.

Что и говорить, убежденность директора, инженеров впечатляет. Кстати, они не собираются стоять насмерть за строительство АЭС. Если правительство решит перепрофилировать ее под учебно-тренировочный центр — значит, так тому и быть. Но такой центр создаст новые проблемы: ведь он тоже будет крупным потребителем энергии (до 40 мегаватт), усугубит и без того большой энергетический дефицит в Крыму. В области чадят сотни котельных — в одной Ялте их 380! По причине жестокого смога она исключена из списка климатических курортов. В селах и деревнях Ленинского района люди получают электроэнергию по часам; зимой часты перебои... Где взять столь нужную полуострову энергию?

В качестве альтернативы «мирному атому» обычно называют солнечные, ветровые станции. Но если реально оценивать положение дел, перспективы тут туманные. По соседству с атомной работает экспериментальная солнечная. Ее проектная мощность — всего 5 мегаватт (для сравнения: один реактор — 1000 мегаватт). Но сейчас она больше энергии потребляет, чем производит. А себестоимость киловатт-часа... 34 рубля! Согласно платить? Какого-то прорыва в технологии ожидать трудно, это видно из сопоставления двух цифр. Если в прошлом году на строительство АЭС было выделено 60 миллионов рублей, то на работы по развитию **всех** нетрадиционных источников энергии в Крыму — всего 200 тысяч... Недавно появилась новая альтернатива: использовать для получения энергии сероводород, поднимающийся из глубин Черного моря и грозящий серьезными неприятностями. Но при таком нищенском финансировании надеяться на энергию солнца, ветра, биогаза и т. д. несерьезно.

Другая альтернатива — построить новую линию электропередачи с юга Украины. Но тут встает вопрос: а захотят ли запорожцы строить на берегу Каховского водохранилища еще два блока-миллионника в дополнение к шести проектным? И если захотят, то за сколько будут продавать ее по нынешним хозрасчетным временам?

Еще вариант — перепрофилировать

"КРЫМБАССУ"

атомную станцию на тепловую. Но ТЭС — это зола, радиоактивные и канцерогенные выбросы. Правда, такой вред нам, к сожалению, привычен... И чисто психологический момент: после Чернобыля готовы вдыхать любую дрянь, лишь бы атомные станции строили где-то подальше, не у нас.

Исходя из всего этого, атомщики и утверждают: альтернативы их станции нет.

ГДЕ ЖЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ?

Откуда все-таки всеобщее недоверие к аргументам атомщиков? Только ли из-за Чернобыля? Его со счетов не сбросишь, но причины, по-моему, лежат глубже. Чернобыль — лишь видимая, надводная часть айсберга некомпетентности, непрофессионализма. Когда мы встретились с Люткевичем и Ивановым, то разговор начался вовсе не с «атомных» дел, а со снижения престижа инженерного труда, конкурсов в институты и, как следствие, снижения уровня квалификации инженеров вообще. Ничем не хочу обидеть моих новых знакомых, но гложет любопытство: все говорят о некомпетентности инженеров, но увидеть таких «специалистов» воочию никак не удается...

Спросил у ребят: могут ли атомщики гарантировать стопроцентную надежность станции? Чтоб никакой, даже теоретически возможной аварии — ни раз в десять тысяч, ни в миллион лет? Они ответили:

— А может кто-то гарантировать, что, допустим, перестанут рождаться люди, одержимые ксенофобией? Что исчезнут такие пороки, как корысть, лень, зависть, способные толкнуть человека на преступление? Поэтому, когда говорите о гарантиях, помните, пожалуйста, что техника никогда не виновата, всегда виноват человек! Проблемы надежности техники — палка о двух концах, и требовать ее решения только от техников — незачинно и негуманно.

Вот такого человека, в связи с общим снижением профессионализма, я и боюсь больше всего — сидит ли он у пульта управления реактором или за штурвалом самолета!

Писателей и журналистов, протестующих против строительства новых АЭС, обычно упрекают в дилетантизме: дескать, ничего не понимают в энергетике, а выступают (помните, как ответили работники Минатомэнерго Алексею Адамовичу в «Новом мире»?); но ведь не писатели-дилетанты, а специалисты последних лет. Специалисты работали в Чернобыле; они же стояли на мостике «Адмирала Нахимова», укладывали газопровод, перекрывали Кара-Богаз, проектировали поворот рек — длинен список! Причем, я убежден, ни один из них не считал себя плохим специалистом, ни один не попросил работу попроще. И когда «красные» говорят, будто на станции все спроектировано, рассчитано и изготовлено с расчетом на любой ката-

клизм, — им не верят, что неудивительно: слишком подорвано доверие к специалистам вообще, не только к атомщикам. И пишущая братия в этом абсолютно не повинна.

«ГОРЯЧИЙ» ЦЕХ

Вскоре после выборов народных депутатов первый секретарь обкома партии А. Гиренко встречался с партактивом АЭС. Там ему задали вопрос:

— Не кажется ли вам, что АЭС получила роль «громоотвода», людей уводят в сторону от других проблем?

— Возможно, неосознанно, но это имеет место. Некоторые ученые, организация «Экология и мир» используют АЭС для того, чтобы нажить политический капитал. Тем самым общественное внимание уводится от других, не менее важных экологических проблем области.

С этим выступлением перекликается письмо, подписанное от имени коллектива харьковского отделения института «Атомэнергопроект» главным инженером проекта Б. А. Стольниковым и главным специалистом-строителем Я. Л. Кранцфельдом. Они выражают несогласие с утверждением в прошлогодней публикации «Смены» о низком качестве проекта.

«Зеленые», — пишут авторы, — поставили себе невозможную и нелоговдную цель — убедить мир в том, что они в огромном комплексе вопросов проектирования и строительства АЭС разбираются лучше специалистов, и охватить все подряд, хотя хорошее качество изысканий и проекта Крымской АЭС неоднократно подтверждалось специальными комиссиями компетентных государственных и научных организаций.

Может быть, этот пустой шум по поводу «непоправимого ущерба» от еще не существующих промышленных объектов, как и пышные экологические совещания в весенне-летней Ялте, призваны обеспечить прикрытие тем, кто рубил в Крыму элитную лозу, кто сбрасывал и продолжает сбрасывать нечистоты в прибрежную зону Южного берега, беспрерывно увеличивая объем этих нечистот за счет присоединения к перегруженным и устаревшим очистным сооружениям все новых и новых микрорайонов, кто все еще не заменил в домах и котельных задыхающей от круглогодичного смога Ялты бытовой газ электричеством?.. Ведь если не решить сегодня эти действительно неотложные задачи, то через год-два крымским «экологам» на Южном берегу уже нечего будет «защищать»... И вот именно в этих вопросах вмешательство «Смены», на наш взгляд, может стать эффективным».

Авторы письма абсолютно правы в том, что природе полуострова грозит вымирание. Могильщик — действующая промышленность. Говоря о дефиците энергии, нельзя было обойти и такой вопрос: кому в Крыму так нужна

электроэнергия? Выяснилось, что 30 процентов энергии потребляют промышленные предприятия, которых на полуострове около трехсот. Ежесуточно они выбрасывают в атмосферу 2 тысячи тонн вредных веществ!

Крымчане с горечью говорят: — Крым превратился в Крымбасс...

Думаете, Крым — всесоюзная здравница? Как бы не так. Он давно превратился в типичную промышленную область. Вот, для примера, лишь один «курортный» городок Феодосия: 50 котельных, два асфальтобетонных завода, литейный цех, механический завод, мясокомбинат; вдоль пляжей беспрерывно дымят тепловозы.

Прочно обосновался в Крыму Минхимпром. Вот уж кто действительно быстро и верно губит Крым! Объединение «Титан», случается, выбрасывает в атмосферу фтористого водорода в 20—30 раз больше ПДК. Двадцать лет руководители предприятий и министерства уговаривают навести порядок — все без толку...

«Титан» получает сырье из Австралии, Канады, с Кольского полуострова и отправляет продукцию по всему Союзу. Поистине гигантская перевалочная база. Чем обосновывали размещение промышленности в Крыму? Тем, оказывается, что здесь удобно сваливать отходы — в Сиваш, например!

27 сентября 1988 года вышло постановление Совмина СССР «О прекращении строительства новых и расширения действующих промышленных предприятий на территории Крымской области». Общественность возликовала, но преждевременно. В постановлении содержится пункт под номером 4: «Принятие, в виде исключения, предложение Минхимпрома СССР, Госплана СССР и Совета Министров УССР о завершении строительства и вводе в действие...» «Исключение» — это новые мощности на Сивашском анилино-красочном заводе и в объединении «Титан». Большая химия нашла-таки лазейку и в правительственном постановлении!

Производства энергоемкие. По предварительным расчетам, дополнительные мощности на Сивашском заводе потребуют 100 тысяч киловатт! Их ввод намечен на 1989—1990 годы, хотя даже проектно-сметная документация не согласована с облисполкомом! Отработанная система: «зацепиться» за землю без согласований, чтобы потом заявить — дескать, затрачено много миллионов, не останавливаться же.

В свое время экологи запротестовали против строительства совместного советско-швейцарского химического предприятия «Таврия». Протест вроде бы удовлетворен: от «Таврии» решено отказаться. Но не от новых мощностей! Знает ли успокоенная общественность, что проект вовсе не отменен: просто он теперь не совместный, а наш, родимый?..

Всесоюзная здравница... За два года трудовые потери из-за болезни работников металлургического и химического производства возросли на 22 процента. Легочные заболевания в Крыму — на

уровне промышленных областей. Высок также уровень онкологических, желудочно-кишечных заболеваний.

Как-то летом группу учащихся ПТУ повели на экскурсию, показывали им производство двуокиси титана. Когда девушки вышли из цехов, увидели, что все синтетические вещи на них в мелких дырочках. Представляете, какой прожигающей смесью дышат рабочие в цехах?

Нельзя без содрогания читать выступления участников сессии облсовета, посвященной экологии: крик души, сигнал SOS! Впечатление жуткое: Крым превратили в «горячий» цех, а Черное море, Сиваш, реки и озера — в сточные каналы. Поверьте, здесь нет преувеличения.

Знаю, что даже полная ликвидация вредных производств не ликвидирует дефицит энергии. Но существенно сократит, и часть электричества можно будет направить на социально-бытовые, природоохранные объекты, реконструкцию.

Еще должен сказать: Крым занимает последнее место на Украине по части экономики электроэнергетики. Сколько в нашей печати заклинаний по поводу энергосберегающих технологий, а двигов нет и нет... Напрашивается сравнение: недавно закрыли Армянскую АЭС — и ничего, жизнь не остановилась, предприятия не закрылись. Так, может, и надо ставить наших хозяйственников перед свершившимся фактом: не будет вам больше энергии, и точка? Может, только такие экстремальные условия заставят их всерьез думать о сбережении энергии?

...А в Щелкино недавно приехали итальянцы. Минатомэнерго заключило договор с фирмой о проведении дополнительных исследований сейсмической обстановки. Почему не можем сами? Не имеем такой высокоточной аппаратуры, как у иностранцев.

Программа исследований рассчитана на полтора года. Многие считают, что этот договор — хитрый финт Минатомэнерго: потянуть время, а пока явочным порядком строить станцию.

А если подтвердятся 10 баллов и АЭС не будет? Это не снимет, а добавит проблем! Щелкино, Керчь, Феодосия не рассчитаны на такую сейсмичность. В пылу споров об этом как-то забылось. А пора уже сейчас срочно разрабатывать варианты: что придется делать? Сносить целые города и отстраивать заново? Укреплять старые дома?

Действительно, огромный и болезненный узел проблем. Пока я могу с сожалением констатировать одно. В области нет ни четкой энергетической программы (увязанной с выводом вредных предприятий, реконструкцией), ни плана действий в отношении судьбы городов, судьбы людей. После землетрясения думать об этом будет поздно.

Р. С. Факт для размышления: район Газли в Узбекистане сейсмоопасным вообще не значился. Но у людей еще свежи в памяти разрушительные девятибалльные землетрясения 1976 и 1984 годов...

Мария РЕШЕТНИКОВА

Фото Антона АЛИПОВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ЛАЗАРЕТ - 89

Было утро. — Доктор! — позвала девочка.

Врач подошел к ней и, присев на край кровати, спросил:

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — уверенно ответила она. — А когда меня повезут смотреть мультики?

Николай Федорович погладил перевязанную руку Анни. На ладони и лице были бордовые ожоги.

— Сейчас скажу, чтобы тебя отвезли.

— Мы уже поиграли с Анни, а теперь ждем мультфильмов... — Шестилетний Артак посчитал нужным поддержать подружку.

— Как рука? Не болит? — спросил врач. Артак покачал головой:

— Нет!

— Ну и хорошо. Скоро будем снимать гипс.

У выхода из палаты Николай Федорович остановился. Родители Артака ждали его, хотели поговорить. Я отошла, чтобы не мешать. Мать, видимо, благодарила, плакала, отец стоял молча, обняв сына, с уважением глядя на врача.

Сорок армянских детей, среди них и Артак с Анни, были доставлены в Москву, в Детскую республиканскую больницу сразу после трагедии в Армении. Но не только об армянских детях и об оказанной им помощи хочется мне рассказать...

Пройдет время, зарубцуются раны. Поправившись, разъедутся армянские ребятишки. И тогда снова на первый план выступают проблемы, многие из которых сегодня решить не в силах даже эта, считающаяся лучшей в стране, детская больница.

Почему это происходит? Как становится возможным такое положение вещей, при котором недавно построенное лечебное учреждение вынуждено противостоять, бороться с хроническими, увы, недугами, порожденными нашей неграмотностью, недальновидным хозяйствованием, головоуятием?

Комната для игр. Множество игрушек, есть и пианино.

Унылые желто-серые стены разрисованы персонажами из любимых ребятами сказок — результат попыток медперсонала как-то разнообразить убожество интерьера. Кажется, все сделано для того, чтобы детям было не так тоскливо, чтобы

хоть немного отвлечь их от болезни.

Честное слово, можно подумать, что строили не детскую больницу, а овощехранилище. В последний момент приняли решение о «перепрофилизации». Медики стараются, стараются изо всех сил превратить место своей работы в дом для детей. И многого добиваются. Но ведь сил, энергии, в конце концов времени, которое всецело должно принадлежать маленьким пациентам, сколько уходит!..

Да, это очень важно: появилась наконец в стране новая детская лечебница. Многопрофильная, оснащенная современным оборудованием. Среди двадцати трех отделений есть и такие уникальные, как микро- и сосудистой хирургии, гемодиализа (трансплантация почки у детей), пока единственное в Союзе...

Но, повторим, у новой больницы старые, хронические болезни. Причем все знали, что эти «хвори» дадут о себе знать едва ли не в первый день. В этом нет ничего удивительного, ведь будущие неувязки и сложности, похоже, закладывались сперва в проект, потом в «фундамент»...

Я не сразу сообразила, в чем дело, когда на кухне в отделении гемодиализа увидела кастрюльки на газовой плите. «Сестрички для себя стряпают» — подумала я. Оказалось, не для себя. Для детей всего отделения. И это после трех лет эксплуатации... Что же дальше будет, люди? Периодически затопляемые подвалы, непосредственные переходы между корпусами — штрихи к «портрету» новостройки...

Главный врач Василий Александрович Дроздов очень устал. Не от своей работы, нет. (То другая уста-

лость — что радость приносит.) Его, как и остальных сотрудников больницы, выматывает необходимость приспособливаться под результаты чьей-то недобросовестности, непорядочности, наплевательского отношения к делу. Где они нынче, эти горе-мастера, по чьей вине больных детей приходится перевозить из корпуса в корпус по улице или через затопленные подвалы? Что возводят сейчас? Жаль, не слышат слов санитарок, которые по три раза на день — завтрак, обед и ужин — таскают из здания в здание кастрюли с горячей пищей. Не по морозцу, так по гололеду.

Больница, которую так ждали семь долгих лет, больница, которая должна была стать медицинским комплексом со всеми необходимыми вспомогательными службами и подразделениями, оказалась не чем иным, как «набором» коек в палатах. Подсобных помещений, гаража, лабораторий, столовой, консультативной поликлиники, пансионата для матерей — всего этого нет. Как говорил — правда, по другому поводу — Чебурашка: мы строили, строили и, наконец, построили.

— Трагедия абсурда: мы сначала открываем больницу, потом кое-как оснащаем ее; проделываем долгий, утомительный путь «пробитования» недостающего, борьбы с мелкими, выматывающими, отвлекающими от основных проблем сложностями и только после всего этого по-настоящему можем заняться своим делом... До каких же пор мы будем выступать в роли попрошайек, идти на унижительные уступки невеже бюрократу? Подумать страшно, в какие дали профессиональной деградации мы забрались... А речь идет ведь не о ку-

бометрах бетона, уложенных не вовремя. Речь — о наших детях. О будущем!

Так понятны сетования главврача. А ведь он только на середине этого пути, и борьба ему и его коллективу предстоит ой какая нелегкая!

«Ах, все это не от хорошей жизни», — вздохнет понимающий читатель. Не от хорошей, верно. Но ведь не может этот всеобъясняющий «диагноз» быть бессрочной панацеей от наших с вами бед. Своим здоровьем, здоровьем детей расплачиваться приходится. Бюджет — то и у строителей, и у врачей общий, государственный. Мы же почему-то с упорством, достойным лучшего применения, не хотим понять это.

Минздрав и Совмин СССР выделили больнице поликлинику и пансионат. Казалось бы, радоваться надо. Но поликлиника на Колхозной площади, а пансионат в Крылатском. Больница же — на станции метро «Юго-Западная». Концы, поверьте на слово, приличные.

...Итак, построили больницу. Где-то кто-то поставил «крестик». Может быть, даже досрочно. И не болит ни у кого душа за матерей, ютящихся в узких, темных подсобках, забывающихся в тяжелом, тревожном сне на детских скамеечках-банкетках.

Липовая досрочность не сегодня завтра для нас самих обрачивается безвозвратной просроченностью. А жить и работать в срок все еще никак не получается.

— Куда спешим? Зачем? Обманывая себя, кого хотим удивить? Халтурно построить больницу не трудно, а вот работать поглом в ней... Год от года все трудней набирать штат младшего обслужи-

вающего персонала. И дело здесь не только в низком заработке, его хоть чуть-чуть, но все же повысили — корень проблемы в условиях работы. В ее престижности. И сколько ни повышай ставку медсестре — не станет она выматываться за двоих, а то и за четверых...

Невеселую нашу беседу с главным врачом в отделении гемодиализа прервала немолодая уже нянечка-санитарка. Смутившись, что помешала, она все-таки обратилась к врачу:

— Нельзя давление мне измерить, доктор?

Давление оказалось пониженным. Но уйти домой эта единственная на все отделение санитарка не могла. Кто-то же должен работать? За детьми ухаживать?

Последнее время все больше и больше мы говорим о милосердии. Как правило, с одной стороны — несчастные, забытые, брошенные, а с другой — студенты, духовенство, писатели — общественность, одним словом. И это очень хорошо. Но вот бы понять, что милосердие — это не только акции в отношении тех, кому уже плохо. Если бы уразуметь, что высшая форма милосердия — это добротное построенный дом, вкусно испеченный хлеб, красиво одетые люди.

А пока...

Если бы столовая работала, были бы рядом пансионат, общежитие для врачей, переходы между корпусами; если бы из окна больничного не просматривался нескончаемый долгострой, если бы врачи занимались только медициной...

Я уходила из больницы. Обернувшись, увидела в окнах таких маленьких, таких хороших детей. Они прильнули к стеклам. И видели все то же. Поле. Засыпанные снегом стройматериалы. Огромные коробки с оборудованием, утонувшие в сугробах. Дорога. Грязь. Неуют...

А впереди меня шли скорым шагом трое: родители, счастливые, что все это кончилось, и выздоровевший мальчуган.

Они шли, не оборачиваясь на прошлое.

ОТ РЕДАКЦИИ. Номер журнала был уже в работе, когда мы позвонили в больницу: исправляют ли строители собственные недоделки? Когда собираются сдавать третью очередь больничного комплекса?

— Это не стройка, а сплошная нервотрепка, — ответил в сердцах главный врач Василий Дроздов. — Подвалы затоплены, хладодцентр так и не работает. В операционных была жара за тридцать градусов... Третья очередь? Строители по-прежнему «гонят» лишь койко-места: нет диагностического корпуса, административного, где мы собираемся разместить медучилище... Короче, Главмоспромстрой попросту издевается над нами!

...А что скажет руководство Главмоспромстроя, Мосгорисполком, УКС Минздрава РСФСР? Ведь речь идет, повторяем, о детской больнице.

Вот бы узнать, о чем думал Дмитрий Тимофеевич Язов во время томительно долгого подсчета мандатов членов Верховного Совета, голосовавших против его назначения на пост министра обороны страны. Не вспомнил ли ему несостоявшийся американский визави Тейлор, которому конгресс отказал в доверии? Правда, аналогия в данном случае не совсем уместная, потому что креатура президента Буша не прошла по своим личным качествам, здесь же налицо был протест части депутатов против системы, которая давно и пока — увы! — безнадежно больна.

Диагноз больного можно определить классической формулой: верхи не могут, низы не хотят. Броня командно-административного стиля управления дает трещину, не выдерживая испытания на гибкость и восприимчивость к переменам, происходящим в обществе. Причина этому другая, но об этом чуть ниже.

Какой все-таки по-детски любознательный парламент появился у нас на 72-м году существования системы. Хочу все знать... «Министр путей сообщения? А почему у вас проводники грубые и чай разбавленный?», «Министр обороны? А как там у вас с дедовщиной? Это волнует моих избирателей...» Депутатов, в общем, понять можно: в кои веки министр перед ними стоит по стойке «мирно». И все же вопросы-то задают в ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ органе, а не во время пресс-конференции с журналистами.

Несмотря на то, что на Съезде народных депутатов звучали и речи, которые можно было объединить под рубрикой «Руки прочь от армии», перекрестный «допрос» в Верховном Совете подтвердил обостренный интерес и внимание к армейским делам. А общественный интерес, отраженный в многочисленных публикациях и выступлениях, не возникает сам по себе и вдруг. Есть причины?

Конечно, ведь армия, кроме того, что она «часть народа», еще и хорошо организованная, жестко зацентрализованная и, главное, вооруженная сила. Как палка имеет два конца, так и оружие можно повернуть в разные стороны, было бы кому поворачивать. И сейчас крайне важно, в чьих руках будет находиться рычаг: народа — тогда надо создать правовой механизм управления системой, тщательно подкрепленный экономическим базисом, для чего потребуются коренная реформа армии, — или старой военно-бюрократической верхушки, которая, естественно, заинтересована в статус-кво. Это главная причина интереса к армейской теме. Интерес в широком смысле, а не на уровне обсуждения проблемы «неуставных отношений», что само по себе, конечно, важно, но является лишь надводной частью айсберга.

Далее: события последнего времени заставляют все с большей настороженностью относиться к привычной аксиоме о военной надежности. Зарубежный «борец за мир» посадил самолет на Красной площади, как будто слухом не слышал о «высочайшем уровне боеготовности» в нашей ПВО. Одна за другой следуют аварии на атомных подводных лодках, что заставляет думать уже не о случайности, а о системе. Боевой самолет без летчика отмахал пол-Европы и рухнул на бельгийский поселок... Что будет завтра? Очень хочется верить, что «случайный» старт стратегической ракеты невозможен. И еще одно: сегодня без демагогии и банального вранья очень трудно объяснить молодым людям, зачем все они поголовно нужны армии. В обществе резко упал престиж военного человека, и произошло это не по вине прессы, как считают блюстители армейской чести. Это случилось

много раньше, когда та же пресса строила пела «осанну» армии, а самыми «крутыми» были публикации в «Красной звезде».

Словом, причин и поводов задавать «острые» вопросы кандидату в министры было предостаточно, но, справедливости ради, ровно столько же причин задать вопросы парламенту было и у кандидата. Другое дело, хотел ли он их задать?

Очень трудно согласиться с такими утверждениями, подаваемыми в форме абсолютной истины: военные производят оружие, военные забирают в армию нашу молодежь, военные послали наших ребят в Афганистан... Но ведь, по сути, эти «окаянные» военные не делают ничего подобного. И исходить из этого в серьезной дискуссии — верх дилетантства.

Статус армии, границы ее самостоятельности и сферы влияния определяются обществом так же, как и оружие производится не самой армией. Обвиняя лишь армию во всех грехах и пороках, общество будет походить на доктора, лечащего болезнь, а не причину. Причина же армейского недуга в том, что мы, то есть общество, не можем определить КОНЦЕПЦИЮ армии — для чего она нужна, какие функции должна выполнять. И уж потом — какой ей быть.

Итак, зачем государству армия? Трогательный по своей наивности вопрос. Конечно же, в первую очередь для защиты от нападения извне. Именно для защиты — еще ни одно государство не имело министерства нападения (кстати, интересная закономерность: планы нападений обычно «куются» в министерствах обороны). Новый политический курс нашего руководства, к которому в мире начинают относиться без былой подозрительности — «знаем этих русских!», — ставит в основу военной доктрины принцип, что мы никогда не развяжем войну — ни ядерную, ни обычную. Случись таковая — ей не сохранить локальный характер, она все равно перерастет в мировую. А в такой войне — вот уж аксиома — не будет ликования по случаю победы, потому что никому будет ликовать, да и не над чем.

Так вот, исходя из этого, несколько риторических вопросов. К какой войне готовится наша армия? Кто и когда достаточно убедительно обосновал необходимость именно такой ее численности, превосходящей все армии мира? Или принцип «не числом, а умением» для наших нынешних стратегов — лишь смешной анахронизм? Зачем армии такое количество ядерного оружия, а, следовательно, и всего к нему прилагающегося (техника, люди), что его хватит на то, чтобы раз десять уничтожить Землю и останется еще и на другие планеты? Зачем ей такой военный бюджет, что о его величине даже страшно сказать на протяжении уже 72 лет? Или в этом случае военные руководствуются принципом «не умением, так числом»? Хороши «принципы» при нашем бюджетном дефиците, рождающем сегодня столько проблем! И наконец, кто тот самый коварный «потенциальный противник», жупелом которого стращают нашего солдата?

Сейчас не времена средневековья, когда из-за каприза прекрасной дамы феодалы выводили полки в «чисто поле» и рубились до изнеможения, а потом распивали мировую под разговоры об охоте. Мир стал прагматичен, и войны ведутся ради конкретных политических, экономических и идеологических целей. Так попытаемся «по-сократовски» задуматься и ответить на вопрос: есть ли сейчас у какой-либо страны такие цели, ради которых она может нанести ядерный удар по СССР или

вторгнуться на нашу территорию? Вообразим даже гипотетическую вероятность успеха такой акции — что она принесет супостату? Разваливающуюся экономику, народ, теряющий в поисках пропитания и одежды последние признаки цивилизованности, истощенные химикатами земли, отравленные реки. Да захотим сдаться — никто не возьмет! К тому же Запад чисто по-обыкательски настолько запуган за прошедшие десятилетия «советской угрозой», что одна только мысль о вероятности войны с нами вызывает искреннее желание идти и бороться за мир во всем мире. Только неосторожная попытка правительства бряцнуть оружием ставит их на грань политических кризисов, как это было после решения о размещении ракет средней дальности в Европе. Не буди лихо...

В то же время что они имели с нашей стороны? Не говоря уж об эпохе «отца всех народов», который своей политической надолго отбил охоту у этих народов

только ядерную, но и обычную войну.

А может быть, посмотреть на угрозу нашей безопасности с несколько неожиданной стороны? Нездоровое состояние экономики — угроза куда более реальная, чем возможный вооруженный конфликт с другим государством. Если нам не удастся перестроить экономику, вывести ее из застоя, то мы вновь столкнемся с необходимостью утверждать свое положение великой державы с помощью наращивания военной мощи, и эта перспектива не вдохновляет ни нас, ни весь остальной мир, ибо ему придется иметь дело с раздетой, голодной, но зато хорошо вооруженной огромной страной.

Рискнем даже предположить, что Запад просчитывает подобную перспективу, и она его далеко не радует. А поэтому уже сейчас он готов вести с нами переговоры и достигать соглашений в любых сферах, затрагивающих военные области, только чтобы дать нам возможность не бросать все силы и сред-

Игорь КОНОНОВ, Юрий БОРИСОВ

БРОНЯ

дружить с нами и воевать, у Запада остались не лучшие воспоминания и о других периодах истории сосуществования двух систем.

Когда Никита Сергеевич, стуча ботинком по оновской трибуне, обещал вбить осиновый кол в могилу капитализма, мир видел за башмаком вполне реальные межконтинентальные ракеты и пугающий образ «мужика в валенках». Потом были ракеты на Кубе, и мир балансировал на лезвии бритвы. Потом была Чехословакия, а чуть раньше и Венгрия — союзники, кстати («а что будет с врагами?»). Потом был Афганистан, перечеркнувший разрядку 70-х.

Конечно же, не будем обольщаться и в отношении «потенциального противника», всего хватало. В чем, в чем, а в угрозах друг другу мы имеем «черный пояс». Однако логика гонки вооружений по-детски проста: если Пете можно, то почему нельзя мне? Если у «них» крылатые ракеты, то как нам обойтись без СС-20, если у «них» СОИ, то и мы не лыком шиты, придумаем чего-нибудь похлеще. В итоге все напоминает собачку, гонящуюся за собственным хвостом. Накапливаются горы оружия без какой-либо в нем нужды. А в это время в генеральных штабах рисуются карты с красивым названием «Театр военных действий» — почти что как «драмы и комедии», — где указываются точки нанесения ядерных ударов. Но ведь это — игра «в солдатики», и не надо быть трехзвездчатым генералом, чтобы понять, что в экономически развитом государстве просто нет места для войны. Куда ни шарахни ракетой — всюду сложнейшие транспортные узлы, атомные электростанции, химические заводы. Все это настолько взаимосвязано, что разрушение одной клетки выведет из строя весь организм. Цивилизованное государство крайне зависимо от систем жизнеобеспечения, и это исключает не

ства в военную область, а направить их на реконструкцию экономики. И это никакая не благотворительность, а реальный учет нашей способности в очередной раз «затянуть пояса» и не дать кому-либо уйти в отрыв в гонке вооружений.

Коль скоро в дискуссии о природе угрозы намечалась некоторая ясность, хотя бы на уровне здравого смысла, то в процессе переоценки политических ценностей необходимо задавать себе новые сложные и «недипломатичные» вопросы, при одной мысли о которых сердце заходится от собственной смелости.

Насколько соответствуют духу времени наши добровольные обязательства быть гарантом национально-освободительных движений или социалистических преобразований в мире?

В самом ли деле так остро нуждаются в наших оборонных гарантиях народы тех стран, которым мы ее охотно предоставляем?

Не навязчивы ли наши союзнические инициативы с сопредельными странами, или наши отношения могут строиться на иной основе, как то принцип неприсоединения и нейтралитета?

Не надо ждать готовых ответов на эти и другие вопросы, их нужно искать, хотим мы этого или не хотим. Поиски ответов приблизят общество к пониманию концепции армии, ее роли как постоянного вооруженного формирования, поддерживающего баланс сил, сложившихся в мире. А для того, чтобы поддерживать этот баланс, армия, с учетом современных средств ведения войны, должна стать профессиональной, потому что нет нужды держать под ружьем миллионы молодых людей, слабо обученных, тяготящихся своим положением, и называть все это «школой мужества».

В последнее время военные стали иногда нарушать обет молчания и выступать в прессе, на телевидении

с разъяснениями различных аспектов жизни Вооруженных Сил. Если темой выступления не является голая агитка о «неуклонном росте боевой выучки», а разговор идет серьезный, то он часто приводит к проблеме профессиональной армии. И вот здесь, еще недавно доброжелательные, готовые к дискуссиям маршалы и генералы строго выпрямяют спины, и в их голосах начинается рокотать металл. Поскольку военный, какой бы пост он ни занимал, в принципиальных вопросах высказывает исключительно «коллективное» мнение, то можно уверенно предположить, что позиция отдельно взятого маршала — это и позиция высшего армейского руководства.

Скажем прямо, трудно разделить однозначно отрицательное отношение к варианту комплектования армии по добровольному принципу. Во всяком случае, здесь есть о чем поговорить, тем более что доводы противников профессиональной армии часто не

с национальной безопасностью можно серьезно говорить лишь в том случае, если эта справедливость не противоречит военной целесообразности. Хороша была бы армия, где принцип социальной справедливости доминировал бы над военно-стратегическими императивами. Не армия, а воспитательный клуб.

Вообще рассуждения профессионалов об армии наемного типа по сути своей очень туманны и грешат недомолвками и частым уходом от существа вопроса. То ссылаются на некие «трудности», то сетуют на дороговизну перехода к системе контрактов, хотя достаточно доказательного финансового подтверждения своей правоты еще никто не представил. Да и как это можно сделать, если всерьез вопрос и не рассматривался.

О дороговизне. Не кажется ли противникам наемной армии странным, что столь рачительный народ, как американцы, умеющие считать каждый доллар (нам бы так научиться считать дол-

вательским, его трудно назвать. У нас и на гражданке-то отношение к казенному добру аховое. Нетрудно себе представить, что происходит в армии, с которой большинство расстается уже «через две зимы и две весны». Нет такой боевой машины, которую были бы не в состоянии загубить наши «отличники боевой и политической». Даже танки не выдерживают. А уж тонкие приборы, современная электроника! Вот почему рядового солдата к ним стараются, по возможности, не подпускать. А обязанности, связанные с эксплуатацией сложной техники, возлагают на офицера, прапорщика или сверхсрочника, то есть опять же на профессиональных военных. Взять, к примеру, боевой вертолет. В армии США их экипажи комплектуются исключительно сержантами и рядовыми. У нас же все вертолетчики, за редким исключением, офицеры. Подобная же картина в танковых войсках, где командирами танков все чаще ставят прапорщиков.

таких стало уже 94 процента. Если в 1980 году 75 процентов новобранцев характеризовались низким коэффициентом умственного развития, то ныне таких осталось 4 процента, тогда как 75 процентов показывают на тестировании результаты, соответствующие самым высоким интеллектуальным стандартам. За тот же период времени удалось сделать значительный шаг по укреплению воинской дисциплины и преодолению негативных явлений в войсках. В частности, наркомания сократилась с 29 до 7 процентов, пошла на убыль цифра, характеризующая уровень алкоголизма, казарменной преступности, расовых конфликтов и даже курения. Вследствие общего оздоровления морального климата в вооруженных силах США число досрочно увольняемых со службы в порядке наказания солдат, сержантов и офицеров упало по сравнению с 1980 годом в три-четыре раза.

На этом фоне наши «успехи» в борьбе за дисциплину выглядят более чем скромно.

«Солдат спит — служба идет», «День прошел, и слава богу», «Только сон приблизит нас к увольнению в запас» — таков арсенал армейской премудрости, который нередко управляет всеми мыслями и поступками солдата-«любителя». Какие уж там вершины боевого мастерства! Поговорите с любым войсковым командиром, спросите его мнение о подчиненных солдатах и сержантах. Впрочем, извините, о каких сержантах речь? В нашей армии институт младших командиров фактически перестал существовать. Одно название только и осталось. Советский сержант — это в большинстве случаев чистойшей фикцией с лычками на погонах. А ведь сержант в любой армии мира — фигура центральная.

Сегодня все взбудоражены проблемой «неуставных взаимоотношений», прозе говоря, казарменного хулиганства и бандитизма, захлестнувших армию. А спросим себя: можно ли ожидать иного поведения от солдата, не желающего служить, стремящегося любой ценой переложить на другого «тяготы и лишения» воинской службы? Можно долго искать крайнего, чем сейчас разные инстанции и занимаются. Армия кивает на ПТУ, ПТУ на школу, школа на семью и т. д. Но разве об этом речь? Что толку в поиске козла отпущения? Не будет ли правильной и честней признать, что да, вот такое поколение воспитали, что выплывать из нынешней молодежи то, что хотелось отцам и дедам, не удалось и вряд ли уже удастся. То есть признать реальность. И исходя из них строить политику, в том числе и военную.

В самом деле, зачем нам в мирное время миллионы якобы военных людей, тяготящихся службой, не проявляющих никакого интереса, а тем более рвения к овладению военной специальностью? Эти миллионы, как ни крути, — балласт.

Речь идет именно об армии мирного времени. Именно ее военнослужащие нуждаются в дополнительном стимулировании интереса к военной службе, необходимости чего в военное время полностью отпадает. Тогда вступают в действие столь мощные стимулы (чувство самосохранения, обостренный патриотизм, ненависть к врагу и т. п.), что никаких других не нужно.

Стимулирование же мирного времени можно условно подразделить на три составляющих — идеологическое, дисциплинарное и материальное. В нашей армии представлены в основном первые две, причем это справедливо как в отношении рядового, так и офицер-

КРЕПКА?

выдерживают элементарной критики. Например, маршал Ахромеев в одном из своих интервью говорит: «В некоторых странах такие армии есть, но только на мирное время. На период войны в этих странах вводится всеобщая воинская повинность». Вот так! Продолжая мысль маршала, можно прийти к выводу, что зачем, дескать, нам такая армия, все равно придется вводить всеобщую воинскую повинность, когда война начнется. Но хочется напомнить, что Советский Союз не воюет уже 45 лет и, судя по всему, воевать не собирается. Так сколько же нам еще жить по законам военного времени? Если следовать такой логике, то зря мы отменили карточную систему (впрочем, мы, кажется, опять к ней возвращаемся), предоставили два выходных дня и право на отпуск. А если завтра война?

Между прочим, большевистское правительство России ввело всеобщую воинскую обязанность только в конкретных условиях начавшейся гражданской войны и интервенции — опять-таки в военных условиях, — а не вообще «после Октябрьской революции», как говорит маршал.

Особенно удивляет утверждение, что комплектование армии на основе найма «нарушит принцип социальной справедливости». Старая добрая уравниловка! «Раз мне плохо, то пусть и всем будет не лучше...» Вольный найм, он на то и вольный, что предоставляет свободу выбора, а не принуждение. В странах, практикующих эту систему, те, кто не желает служить в армии, обязаны в течение определенного срока отработать на «гражданском фронте», например, санитарями в госпитале. То есть совсем не обязательно считать, что кто-то будет потеть на учениях, а кто-то в это время потягивать пиво в баре и посмеиваться над «неудачниками». И потом, согласитесь, о социальной справедливости, как таковой, в связи

бли), позволяют себе столь «расточительно» тратить их на содержание своего наемного войска? Уже одно это наталкивает на подозрение, что все-таки есть в этом какой-то резон.

Да, конечно, профессиональный солдат обходится дороже нашего «любителя». Ему и 700 долларов в месяц дай (не в пример нашим 7 рублям), и казарму со всеми удобствами (а женатому еще и квартиру), и возможности профессионального и служебного роста обеспечить, и медобслуживание по первому разряду, и многое другое. Это с одной стороны. Что же с другой? С другой — конечный результат — высококвалифицированный, до тонкостей знающий свой предмет специалист. Это отлично подготовленный в физическом и психологическом отношении солдат, за плечами которого 3—5 лет службы, а если сержант, то и все 10—15 — время, вполне достаточное для досконального освоения той сверхсложной боевой техники, которая определяет лицо современной армии. Сколько нужно наших отечественных «немогузнаек» в погонах, прослуживших от 0,5 до 1,5 лет, чтобы уравнивать одного такого «профи»? Считал ли это кто-нибудь? Практический войсковой опыт подтверждает, что основная масса наших военнослужащих срочной службы владеет в лучшем случае лишь начальными навыками своей боевой специальности. О каком же боевом мастерстве здесь можно вести речь?!

К примеру — в американских танковых дивизиях, дислоцированных в Западной Европе, каждый второй экипаж имеет квалификацию «экипаж первого выстрела». У нас же иные танковые полки — инициаторы социалистического соревнования умудряются получать «неуд» по результатам зачетных боевых стрельб!

Чего уж говорить об отношении к боевой технике, оружию. Иначе, как напле-

чем сильнее научно-технический прогресс проникает в армейский организм, тем устойчивей становится эта тенденция — к профессионализации армии. Любительское войско оказалось попросту несостоятельным перед лицом НТР.

К сожалению, тайной за семью печатями остается статистика аварий и катастроф по военному ведомству, являющихся не в последнюю очередь следствием вопиющей безалаберности и элементарной безграмотности дилетантов в погонах. Доступ к такой статистике на многое открыл бы глаза нашей общественности. Вряд ли стоит удивляться, если выяснится, что в результате этих происшествий наша армия теряет людей не меньше, чем погибло в Афганистане.

Не лучше обстоят дела с воинской дисциплиной, морально-политическим состоянием армии. И здесь сравнение с американцами будет для нас проигрышным.

Самое страшное наказание для их солдата — увольнение из рядов вооруженных сил. (Попробуйте напугать такой перспективой кого-нибудь из наших воинов.) Пентагон не церемонится с теми, кто не отвечает его жестким требованиям. Ежегодно из армии отчисляются тысячи военнослужащих. Но американское министерство обороны не больно печалится об этих неудавшихся «джи-ай». Зачем, если уже который год подряд Пентагон не знает отбоя от желающих попасть «под знамена», если на вербовочных пунктах идет настоящий конкурс добровольцев, благодаря которому есть возможность отбирать в войска самых толковых и благонадежных юношей и девушек.

Не случайно за последние восемь лет качественная характеристика американской армии существенно улучшилась. Если в 1980 году только 46 процентов молодых солдат имели полное среднее образование, то в 1988 году

Джордж прекрасно знал, что сегодня годовщина их свадьбы. Но без пяти пять позвонила она, намекнула, как всегда, деликатно, что сегодня у них особенный вечер, попросила зайти в чистку за ее бежевым костюмом и купить к обеду ванильного мороженого. Это был ее третий звонок за день. Разговор всегда заканчивался одинаково:

— Ты меня любишь? — ворковала она.
— Да, — отвечал он, понизив голос, зная, что все равно потребуется безоговорочная капитуляция.
— Да? — наступала она. — А что «да»?
— Но ты же знаешь, — отвечал он. Сдаться без боя — к этому он еще не был готов.
— Ну, Джорджи, — кокетничала она, — ну, что я знаю?

В конце концов он запутывался в сетях ее настойчивого катехизиса и шептал:

— Я тебя люблю.
За соседним столиком мисс Паттерсон сидела с таким видом, словно у нее только что сломался ноготь. Она перелистывала блокнот со стенограммами и тщетно пыталась не прислушиваться к разговору.

Джорджу не удалось добиться, чтобы Элейн не звонила ему на работу по два раза на день, хотя после свадьбы прошло уже три года. Однажды вечером во время телевизионной рекламной передачи он было завел разговор об этом, но, не успев договорить, пожалел о содеянном. Элейн перестала мурлыкать песенку и убрала голову с его плеча. В глазах ее стояли слезы, но подбородок был задорно вздернут. Ему давали понять, что не собираются устраивать истерик из-за таких пустяков.

Но позже, когда он потянулся к ней в постели, чтобы поцеловать на ночь, она молча отвернулась. «Спокойной ночи», — сказал он. Слова повисли в воздухе — глухо и безответно.

— Элейн, — прошептал он в ночной тишине, но ответа не получил. Так, не прикладывая особых усилий, она одержала полную победу.

На следующий день уже не она, а он звонил ей с работы, смирившись со своим поражением:

— Может, ты найдешь время позвонить мне во второй половине дня?

Он извинился. Она только этого и дожидалась: Телефонные звонки немедленно возобновились: один — до ленча, второй после.

Но время, когда он ждал их с таким нетерпением, уже прошло. Ее способность превращать в приключение покупку четырех телячьих отбивных или нового стирального порошка потеряла свое первоначальное очарование...

Годовщина или не годовщина, только день начинался плохо. Мисс Паттерсон предпочитала, чтобы неизбежное совершалось по графику, и потому завела привычку пить кофе ровно в десять тридцать — в это время обычно раздавался первый звонок Элейн. Но не успела секретарша выйти, как в дверях появился мистер Бойл. Визит был неожиданным: как правило, подчиненных он вызывал к себе в кабинет, этажом выше.

— Джордж, — сказал он, — я как раз закончил просматривать набросок вашего доклада. Если ваши предположения верны, это будет...

Зазвонил телефон.

— ...Это будет потрясающе!

Телефон продолжал звонить, Мистер Бойл указал головой на аппарат:

— Снимите трубку, Джордж.

При первых же звуках ее голоса он прижал трубку к уху как можно теснее.

— Джорджи?

Почему у него в воображении немедленно возникают ее губы, вытянутые трубочкой? А ведь было время, когда ее лепет доставлял ему неизъяснимое наслаждение. Когда же ее манера говорить начала раздражать его?

— Слушаю. — Его голос оставался безразличным и сугубо деловым.

— Миленький-хорошенький, я просто хочу рассказать тебе, как тружусь в поте лица, пока ты сидишь-посиживаешь в своей красивой конторе с кондиционерами. Я вылизала до блеска чулан, на полки положила чистую бумагу, а теперь приступаю к уборке комнат. К нам заглянул мистер Мак-Хью и починил вентилятор. Я таскаю его с собой из комнаты в комнату. Знаешь, когда он был у нас... ох, пусть это будет для тебя сюрпризом. Я ничего не скажу. Нет-нет-нет...

Она вдруг понизила голос и заговорщически зашепталась:

— Ну, пожалуйста, Мисс Леди, — так она называла коккер-спаниеля, которого он подарил ей год назад, — ты же знаешь, палочка не любит, когда ты забираешься в его кресло. Подушки снова будут в шерсти.

— Да, — успел вставить он, — конечно.

— Джорджи, — воскликнула она, — в чем дело? Ты ужасно занят, да? Или противный старик стоит у тебя над душой?

Он почувствовал, как краска бросилась ему в лицо.

— Да, — еле-еле выдавил он из себя.

— Ну, хорошо, я позвоню после ленча, — заволновалась она.

— Бьюсь об заклад, это ваша молодая, — сказал мистер Бойл. — Сразу видно. Приведите ее как-нибудь на ленч, Джордж. Буду рад повидаться. — Он помолчал и взял со стола доклад. — Что ж, дело прежде всего. Пожалуйста, отшлифуйте немного слог и сформулируйте краткие выводы. Директора обращают на это внимание в первую очередь. Постарайтесь подготовить вторую редакцию к четырем часам, чтобы мы успели представить доклад на рассмотрение правления.

...Когда раздался второй звонок, мисс Паттерсон посмотрела на часы. Пятнадцать тридцать.

— Нам осталось доделать еще четыре страницы, — предупредила она.

Джордж подождал, пока за ней закроется дверь, и поднял трубку.

— Я сегодня почти не завтракал, — выпалил он. У нее вошло в привычку справляться по телефону о ленче, поэтому лучше сразу сообщить ей всю информацию. — Десерт тоже не брал, — продолжал он, радуясь, что жлет без запинки.

— Ты же умрешь с голоду! — воскликнула она. — Угадай, что у нас будет на обед?

— И представить не могу, — сказал он и поставил запяточку, которую мисс Паттерсон пропустила на девятой странице.

— Бифштекс! — Она прерывисто дышала в трубку, как будто у нее перехватило дыхание от восторга. — И еще жареный картофель, молодой горошек и помидоры, нарезанные ломтиками. А теперь угадай, что у нас будет на десерт?

Он молча ждал.

— Яблочный пирог с мороженым!

— Звучит недурно, — ответил он, подчеркивая предположение на десятой странице.

— Надеюсь, ты понимаешь, почему я так хлопочу. Ты ведь помнишь, да?

Услышав, что открылась дверь, он повернулся на стуле.

— Мистер Бойл идет, — уведомила мисс Паттерсон.

— Не помню, — сказал Джордж в трубку. Еще несколько минут, и доклад был бы закончен. Если бы не ее звонок!

— Мне придется повесить трубку, — сказал он отрывисто. — Советание. Буду в шесть.

Мистер Бойл заглянул в дверь.

— Ну как, Джордж, готово?

— Еще две страницы, чуть-чуть подправить. Через пятнадцать минут положу доклад вам на стол.

— В вашем распоряжении всего восемь. Я во что бы то ни стало должен успеть на тот рейс в Чикаго.

— Каких-нибудь пару минут, — громко сказал Джордж, — это все, что мне нужно.

Без пяти пять снова зазвонил телефон.

— Джорджи, милый, ты же знаешь, какой сегодня день?

— Да, знаю.

— Вот! Я же знала, что ты знаешь! Милый, ты не забудешь зайти в чистку за моим бежевым костюмом? И про мороженое тоже не забудешь?

В электричке по дороге домой Джордж вынул копию доклада, пробежал глазами несколько страниц и, сунув бумаги в дипломат, закрыл глаза. Его пальцы, скользнув по крышке, остановились на замке. В дипломате лежало ожерелье из искусственного жемчуга. Мисс Паттерсон купила его после ленча в подарок Элейн. Жемчуг был красивый, безупречной формы, с великолепным блеском. Но красота ожерелья почему-то не радовала его.

Мне тридцать четыре года, вдруг подумалось ему. Как же это случилось? Что побудило его жениться на Элейн? Почему он так легко попался в ловушку? Что толкнуло его на этот опрометчивый шаг? Когда все пошло наперекосяк? Неужели и другие мужчины спустя два, три, десять лет — всегда слишком поздно — начинают размышлять о том, что же с ними случилось?..

Все началось четыре года назад довольно невинно. Элейн появилась в фирме в качестве личной секретарши мистера Бойла. Джордж вспомнил свои первые впечатления: мягкий охотный говорок, смех, навевавший мысли о юге, и изменчивая, как море, синева глаз. Через неделю он преподнес ей букет роз, а она наградила его долгим, растроганным взглядом.

Как-то вечером в очереди за билетами на новый французский фильм Джордж пригласил Элейн приехать в субботу к нему на Лонг-Айленд. Он встретит ее на станции, покажет дом, потом они позавтракают на берегу моря. Дом ей понравится, хотя с тех пор, как родители вышли на пенсию и уехали во Флориду, он уделяет ему не слишком много внимания.

Элейн приняла приглашение охотно, но потупив

глазки добавила, что Джорджу придется проводить ее вечером на электричку, ведь она должна заботиться о своей репутации...

Первые месяцы после свадьбы Джордж не чуял под собой ног. Счастливый обладатель столь редкого сокровища, он не мог нахвалиться женой. Она очаровала бакалейщика, зеленщика, уличного торговца цветами. Все мужское население квартала с удовольствием оказывало ей всевозможные услуги. Что делать, говорила она, не ее вина, что она не нравится женщинам. И поэтому они редко звали к себе и еще реже сами ходили в гости.

Стояла ли на дворе осень с промозглыми вечерами, или пригревало по утрам весеннее солнышко, она всегда была весела и ворковала, точно горlinka в своем гнездышке. Когда он уходил на работу, она радостно хлопотала вокруг него, а когда возвращалась — окружала нежной заботой. Каждую неделю в выходные дни они переживали новый медовый месяц. Так будет всегда, обещала она.

Медовый месяц — с годовщинами, подумал он. Она же была уверена в его желани, чтобы медовый месяц длился вечно. Разве он променяет свою маленькую очаровательную женушку на обычную жену, замученную детьми и домашним хозяйством? Когда он заикнулся о ребенке, она тихонько засмеялась и теснее прильнула к нему, шепнув: «Но ведь у нас уже есть Мисс Леди».

И однажды в воскресный вечер — три или четыре месяца назад — у него вдруг раскрылись глаза. Как хорошо, что завтра понедельник! Ему так и не удалось продвинуться дальше первой страницы «Таймса». Обнимая Джорджа за плечи и водя пальчиком по его двухдневной щетине, она смотрела по телевизору эстрадную программу, словно новобрачная с обложки дамского журнала.

В конце концов он позволил измятой газете соскользнуть на пол и в тот самый миг понял, что с нетерпением ждет завтрашнего рабочего дня — мирной суеты перепополненных лифтов, шуршания голосов, доносящихся из соседних кабинетов, успокоительной монотонности уличного шума; он понял, что будет рад даже равнодушной деловитости совершенно безликой мисс Паттерсон...

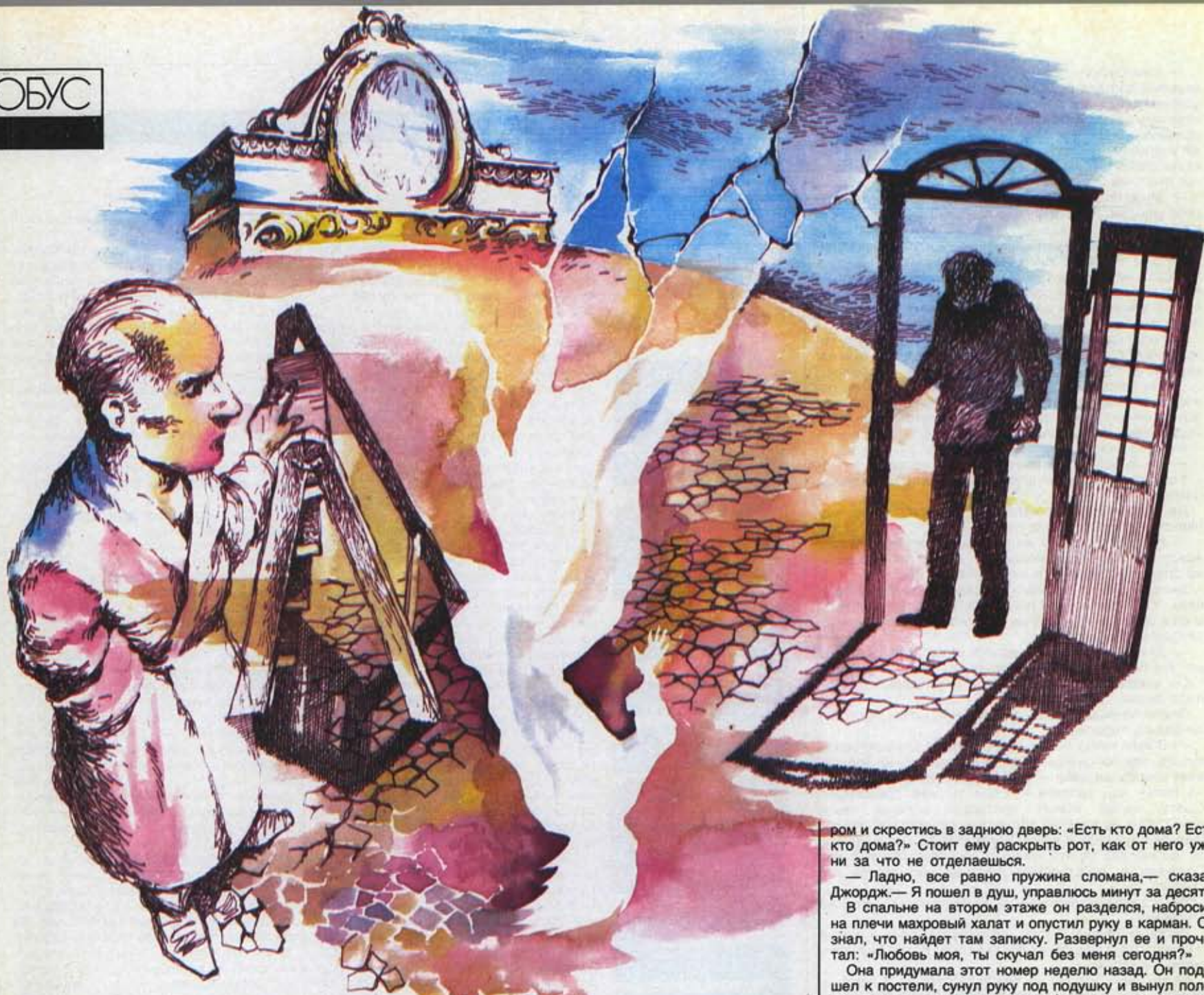
Выйдя из электрички, Джордж направился прямо к дому, но, вспомнив ее инструкции, сделал крюк и заскочил в чистку. «Бежевый костюм», — произнес он с отсутствующим видом, уйдя мыслями в невозможные «Что было бы, если б...». Что, если бы тогда не женился? Жил бы себе потихонечку один...

Джордж перехватил дипломат левой рукой, положил сдачу в карман и взял из рук приемщицы вешалку. Что придумала Элейн на этот раз? Какой сюрприз его ожидает? Спальня? Может быть, кухня? Ванна вряд ли. За последний год она дважды красила ванную комнату. Сначала сделала ее бледно-голубой. Но этой осенью под влиянием журнала «Интерьер» перекрасила ее в розовый цвет. Надо быть на уровне, это последний крик моды, объяснила она. Что, если сегодня принесли очередной номер «Интерьера»?

Он поднялся по ступенькам, удерживая одной рукой дипломат и вешалку с костюмом, а другой пытаясь нащупать ключ. За дверью послышался стук ее каблучков — с таким звуком маленькие девочки вышагивают в «маминных» туфлях.

— Приветик, милый! — закричала она, распахнув дверь, и бросила быстрый взгляд на поднятую с ключом руку. — Ты забыл мороженое! Это моя вина, я должна была положить тебе в карман записку.

КОГДА СА

Втянув его в гостиную, она бережно положила дипломат на кофейный столик.

Нет, подумал он, я не могу сразу отдать ей жемчуг. Лучше после обеда.

— Ты заметил? — Она заглядывала ему в глаза, пока он быстрым взглядом окидывал комнату.

Ну вот, опять старые игры в «угадайку». Если повеет, через пять минут он будет в душе.

— Новый абажур? Симпатичный.

— Ну, это слишком просто, — покачала она головой.

Он охватил комнату быстрым взглядом. Переставлено решительно все, попробуй узнай, что именно она имеет в виду.

— Часы с камин! Старые часы твоего отца, которые никогда не шли. А ты даже не заметил! Мистер

Мак-Хью забрал их с собой, когда заходил починить вентилятор. Если главная пружина не лопнула, он приведет их в порядок, он обещал, сказал, что постарается принести часы сегодня вечером.

— Элейн! — Ему хотелось, чтобы голос его звучал строго. — Ты опять за свое, зачем отдаешь старику вещи в починку? Он и без того торчит у нас круглые сутки.

Одна надежда, что Мак-Хью сегодня не покажется. Сегодня он не в состоянии выслушивать его рассказы о злодействах, которые старый полицейский раскрыл за двадцать лет безупречной службы. Джордж никогда не понимал, что привлекает Элейн в этих жутких историях, тупых и жестоких одновременно. К тому же у Мак-Хью отвратительная привычка проходить дво-

ром и скрестись в заднюю дверь: «Есть кто дома? Есть кто дома?» Стоит ему раскрыть рот, как от него уже ни за что не отделаешься.

— Ладно, все равно пружина сломана, — сказал Джордж. — Я пошел в душ, управлюсь минут за десять.

В спальне на втором этаже он разделся, набросил на плечи махровый халат и опустил руку в карман. Он знал, что найдет там записку. Развернул ее и прочитал: «Любовь моя, ты скучал без меня сегодня?»

Она придумала этот номер неделю назад. Он подошел к постели, сунул руку под подушку и вынул полосу бумаги. «Еще один удивительный год! Спасибо! Всегда-всегда-всегда твоя Элейн».

Скомкав обе записки, Джордж поймал себя на мысли, что после трех лет супружества ему доставляет удовольствие находить любовные послания Элейн и — уничтожать их.

Он пустил воду в душе, повернулся к зеркалу и попытался рассмотреть свое лицо в обрамлении белых свадебных колокольчиков, нарисованных мылом на стекле. Колокольчики были изящно перевиты лентой, выведенной губной помадой. Джордж закрыл дверь на задвижку. Намочив уголок полотенца, он стер со стекла колокольчики, взял кусок мыла и остановился в раздумье. Что бы такое написать?

— Миленький, поторавливайся, — позвала с лестницы Элейн. — Начнем с мартини, потом ужин при свечах. Хорошо звучит?

— Постарайся не перелить вермута, — крикнул он из-за двери.

— Коктейли уже готовы, — раздался ее торжественный крик, — я сбила их сразу же после ленча и поставила в холодильник.

«Чтоб тебя черти взяли», — написал он на зеркале и выронил мыло в раковину.

— Лучше так, чем никак, — сказал он громко и ступил под душ.

Раздался легкий стук в дверь, но он продолжал напевать себе что-то под нос. Стук повторился, громче, отчетливее. Он закрутил воду.

— Что ты там возишься? — услышал он голос Элейн. — Я уже наливаю мартини. Знаешь, я забыла купить вишенки для коктейля, так положу вместо них оливки. Для красоты.

— Я скоро спущусь, — сказал он, дождался, когда затихнет звук ее шагов, вытер зеркало и открыл дверь.

Растянувшись на софе, включил настольную лампу и взял газету. Цоканье каблучков, похожее на треск кастаньет, приближалось к нему — из кухни через столовую — и оборвалось на пороге гостиной.

Элейн задорно кивнула ему. Джорджу пришлось приподняться, чтобы взять мартини.

— Мой мальчик устал в своей гадкой конторе? — спросила она, опускаясь рядом.

Элизабет ПРАЙС

УЖЕ ИШКОМ ПОЗДНО

— Немножко,— ответил он ровным голосом, не отрывая взгляда от газетного заголовка. Этот тон он усвоил для игры в вопросы-ответы; так удавалось отвечать не задумываясь, но с глубокомысленным выражением лица, как будто всерьез размышляешь над ее вопросом. Он поднял бокал в молчаливом приветствии, пригубил коктейль и, вынув из бокала оливку, протянул ее Элейн.

— Мисс Леди, скверная девчонка, очень плохо вела себя сегодня. Я сказала, что пожалуюсь на нее папочке. Когда она гуляла во дворе, к нам через забор пробрался грязный черный пинчер. Я едва выпроводила его и забрала Мисс Леди на кухню. Пришлось наказать ее. Она не будет сегодня с нами обедать.— Наполнив снова оба бокала, Элейн отнесла на кухню пустой кувшин и пепельницу с двумя оливковыми косточками.

Джордж растянулся на тахте, поискал взглядом пепельницу и подумал, что не отказался бы еще от коктейля. Элейн разговаривала на кухне с собакой.

— Ты нехорошая, нехорошая девчонка.— Слова относилось в комнату, и они повисали в воздухе, словно загнившее в ловушку эхо.— Я не хочу, чтобы моя Мисс Леди дружила с каким-то...

И через минуту:

— Джорджи, зажги свечи, все уже готово.

Когда он подо двинул стул, она отвесила кокетливый поклон.

Джордж покончил с яблочным пирогом, Элейн поднялась и обошла вокруг стола.

— Нет-нет, ты сразу же пойдешь в гостиную, устройшись поуютнее и примешься за газету. А я быстренько сполосну тарелки, и весь вечер — наш.

Джордж скинул башмаки и перевернул вторую страницу. Он слышал ее голос, но продолжал читать, спеша добраться до конца первого параграфа президентской речи.

— Джорджи,— снова раздался голос Элейн,— ты не мог бы подойти сюда на минутку?

Он сложил газету, поднялся и раздавил окурок о салфетку.

Элейн начищала гриль для мяса. В мойке прополаскивались тарелки.

— В этой кухне можно расплавиться. Открой, пожалуйста, заднюю дверь. Мисс Леди, похоже, не собирается убраться во двор.— Она подняла руку и показала на полку над головой.— Если ты уже просмотрел газету, милый, может, достанешь выварку твоей мамы? Она на верхней полке, как раз над раковиной. Выварка чугунная и весит, должно быть, целую тонну, но это как раз то, что нужно, чтобы приготовить бобы. Пожалуйста, поосторожней, возьми раскладную лестницу.

Он установил лестницу и взобрался на верхнюю ступеньку.

Раскрыв дверцу полки, подтянул чугунный котел к краю, чтобы поудобнее его ухватить. Котел оказался очень тяжелым.

— Не знаю, что бы мы без тебя делали. В доме не обойтись без мужчины, правда, Мисс Леди? Даже если он забывает про мороженое. Или про то, какой сегодня день.

Джордж взглянул вниз. Она насыпала порошка, чтобы начинить гриль до блеска. Ее голова находилась на одном уровне с тяжелым котлом... Если он его уронит, ей конец...

У Джорджа закружилась голова, к горлу подступила тошнота, и он прикрыл глаза. Элейн! Как он будет плакать потом! Ведь она будет мертва, совсем мертва!

Он опрокинет лестницу, и каждый решит, что он просто упал с нее. Жемчуг он положит на кофейный столик, кто-нибудь обязательно заметит его подарок Элейн. Потом, рыдая, вызовет доктора Мейерса.

— Несчастный случай... Моя жена... Боюсь, она уже...

И доктор Мейерс сам позвонит в полицию.

Джордж открыл глаза и увидел набрякшие от усилия вены на руках. Она подняла голову. Их глаза встретились. Казалось, мгновение будет длиться вечность. Интересно, догадывается ли она?

Но ее лицо не выразило ни удивления, ни страха. В глазах не было ни тени подозрения. Ненавидя ее самоуверенность, ее безмятежность, потеряв совсем голову, Джордж разжал пальцы и, почувствовав непривычное, саднящее душу облегчение, возвел глаза к небу.

Глухой удар оборвал ее крик. Тяжелый котел отскочил от раковины, застучал по раскладной лестнице и, упав на пол, разбился.

Тело рухнуло наземь.

Воцарилась тишина.

Замерев на лестнице, не в силах отвести глаз от потолка, он думал: «Надо сойти вниз, у меня еще много дел».

Он опустил голову, через всю кухню взглянул на противоположную стену, повел по ней глазами вниз и в проеме задней двери вдруг увидел человека, державшего под мышкой часы. В другой руке качалась, словно детская игрушка, скрученная пружина. Человек стоял и, как ребенок, замороженный удивительным представлением, раскрыв рот, смотрел на Джорджа...

Виталий
ЕРЕМИН

АНГЕЛ — СТАСЫГЕВ

Архив Иркутского областного суда размещался в огромном зале. Дела стояли на стеллажах в несколько ярусов. Они хранились здесь с 1917 года. За тридцать лет собралось около 900 тысяч дел. (Городские и районные суды имели свои архивы.)

— Память вам не изменяет? — спрашиваю Зинаиду Григорьевну Левицкую.

— Как заведующая канцелярией областного суда,— отвечает она,— я вела отчетность. Ну, а такие цифры невозможно забыть. До сих пор помню, например: в 1913 году в Александровском центре, где до революции сидел Дзержинский, размещалось 400 человек. А в 1949 году, когда я поступила на работу в Иркутский областной суд, в центре сидело до восьми тысяч заключенных.

В архиве царил неразбериха. Председатель Иркутского областного суда Степан Иванович Баев поручил Левицкой навести порядок.

— Все началось с жалоб,— вспоминает Левицкая.— Я обратила внимание, что жалобы заключенных, осужденных «тройками», «двойками» и Особыми совещаниями, вообще не рассматривались. И стала читать дела, на которых стояли штампы «хранить 50 лет», «хранить 100 лет», «хранить вечно». Например, медсестра Алла Кушнир проходила по делу «отравителей» Горького. Инженер-строитель якобы специально допустил перекос фундамента... Помню дело учетчицы на шахте. Ее обвиняли в том, что она не донесла о вредительстве: бригада проходчиков недовыполнила план. Перечитала дело от корки до корки: больше ничего!

Семьи в то время были многодетные. Читаю дело, а там — пятеро, семеро детей. Каково им будет, сиротам?.. Плакала я над каждым делом. Помню, кавказец писал на клочке бумаги: «Я был пастух, я украл один овечка, мне дали десять лет, у меня семь детей...» Заключенный — помню его фамилию — Ткаченко писал: «Я инвалид войны, работал на элеваторе, унес в карманах муку, мне дали десять лет...»

Многие из них сроки свои уже отбыли. Они должны были освободиться в период между 1941 и 1945 годами, но пришло указание «в связи с военными действиями задержать...» Им, это касалось прежде всего осужденных по 58-й статье, добавили еще по десять лет.

Левицкая скоро убедилась, что Баев подписывает бумаги не читая. И наступил момент, когда она решилась. Это произошло примерно полгода спустя после поступления на работу. Зинаида Григорьевна села за машинку, отпечатавала в одном экземпляре определение коллеги о сокращении срока одному из заключенных, вложила листок в стопку других определений и подала Баеву на подпись. И тот подписал.

В секретной части облсуда поставили гербовую печать. Потом Левицкая собственноручно положила определение в конверт, написала адрес лагеря, отнесла конверт в экспедицию. После этого бросила дело в печь...

Зинаида Григорьевна проработала в облсуде с августа 1949 года по ноябрь 1951-го. И каждую неделю подавала на подпись Баеву отпечатанные ею «определения».

— Среди множества определений, которые Степан Иванович подписывал через день, «мои» просто терялись.

Самой большой трудностью было подобрать подходящую статью уголовно-процессуального кодекса, обосновывающую то или иное освобождение. Каждое дело требовало своей статьи. Для человека, не имеющего юридического образования, задача почти головоломная. Нужно было также постоянно скрывать свою работу, таскать дела

домой, чтобы сжечь их в безопасной обстановке.

— Первое дело, которое привлекло мое внимание, было дело колхозницы по имени Агриппина. Девка была, видать, озорная. Выкинула какой-то фортель, а ей бабы говорят: «Ой, Гапка, Сталина на тебя нет!» «Пошел этот уса-тый на...» — сказала Гапка. Так в деле и было: три точки... Не дала я Гапке «червонец» досидеть!

Никто из освобожденных Левицкой даже не пытался вернуть конфискованное имущество. После ужасов лагерей людям вполне хватало дарованной свободы.

5 ноября 1951 года к Левицкой обратился судья Кировского района Иркутска:

— На каком основании коллегия освободила закройщицу Ш.?

— А что случилось?

— Ш. требует вернуть ей конфискованный материал. Утверждает, что это материал заказчиков, ей нужно с ними рассчитываться.

— Я поняла, отчего так разволновалась судья. Цены на конфискованное имущество обычно простаивали мизерные. Работники судов, в том числе и нашего, не стеснясь, ходили по кабинетам, перечисляли, что там, в списке, предлагали, звонили родственникам, знакомым. Тут же собирали деньги. Едва ли судья стал сомневаться в справедливости освобождения Ш., если бы мог доказать, что конфискованный у нее материал продан через комиссионный магазин по настоящей, а не фиктивной стоимости. «Возьми машину, привези дело Ш., разберемся», — сказал Баев. Какой там привези! Дело Ш. давно сгорело в печке. Но делать нечего. Я поехала в Кировский нарсуд...

У меня была возможность оправдаться. Но в этом случае пострадала бы секретарь Кировского нарсуда. С работы бы ее уволили — точно. До этого дня мы с ней не встречались, только изредка созванивались. И вот приезжаю и вижу женщину в гимнастерке и... без левой руки! Все ясно: фронтовичка... Выход один — бежать. Но куда? В Ейск? Там родители, братья, сестры. Там вмиг нашли бы. Решила: лучше в Днепропетровск, к дочери. Но где взять денег на дорогу? Один билет стоит 400 рублей. А на что питаться шесть дней пути? На что жить, если не удасться сразу устроиться на работу?

Потом-то я поняла, что лучше всего было бы прийти к Баеву и покаяться. Человек он был добрый, простил бы меня...

Судья Баев... Зинаида Григорьевна до сих пор чувствует свою вину перед ним. Если бы он остался жив, может быть, простил бы ее. Хотя простить мог только в том случае, если бы признался перед самим собой, что стоял не только на страже закона, но и на страже беззакония, что проявлял не только справедливость, но и черствость.

— Я самая настоящая мошенница! Для того чтобы сбежать, нужны были деньги. Тогда я выписала чек на полторы тысячи рублей, пошла в банк и получила. Спускаюсь со второго этажа банка по лестнице, держу в руке пачку тридцаток и думаю: а ведь рано или поздно поймут и будут судить не за то, что освобождала несправедливо осужденных, а за то, что сняла со счета эти проклятые деньги...

Конечно, лучше бы делать добрые дела только чистыми руками. Именно так и поступала Левицкая. Еехватило характера рисковать два года подряд. Но в день «горения», к которому она, казалось бы, должна была морально подготовиться, ей изменили силы. Она испугалась. Не за себя — за сына.

Она стыдится, что взяла полторы тысячи, тогда как по должности имела

право снять со счета гораздо больше. Взяла ровно столько, сколько требовалось, чтобы продержаться рядом с сыном еще год.

В Днепропетровске Левицкая устроилась на работу под своей девичьей фамилией Роговая. На привычную должность делопроизводителя и секретаря-машинистки. Причем не куда-нибудь, а в областное управление юстиции!

Прошел месяц, другой, третий. Можно только догадываться, почему отличной организованная машина сыска в этом случае работала медленно. Вероятно, никто не предполагал, что она осмелится продолжать работу в юстиции. Вероятно также, что Баев и другие руководители Иркутского областного суда, боясь ответственности, какое-то время скрывали серьезность происшедшего.

Как бы то ни было, прошел почти год, прежде чем Зинаида Григорьевна снова ощутила, как земля уходит из-под ног. В сентябре 1952-го она прочла в секретной почте бумагу, где было написано: «Разыскивается Левицкая Зинаида Григорьевна...» и высказывалось запоздалое предположение, что она может работать в органах юстиции.

Дома ждало другое тревожное событие. Хозяйка дома сказала, что Витя еще не приходил из школы. Наступил вечер — сына не было. Прошла ночь. Левицкая решила идти в милицию. Но Витя пришел сам. Помятый, грязный, голодный. Его взяли прямо из школы и всю ночь допрашивали; фамилия матери, откуда приехали? Мальчик совсем не умел врать...

Левицкая тщательно оделась, попрощалась с сыном и сделала то, к чему готовила себя этот год — пошла к областному прокурору и рассказала о себе всю правду.

— Идите домой, — сказал прокурор. — За вами придут.

— Я была дома, гладила Вите постиранные вещи. Voшел парень в гражданском. «Можно счетчик проверить?» Я на него смотрю с укором: что же ты мне голову морочишь? Он понял. Показал удостоверение: «Собирайтесь». Я уже была собрана. На улице ждал еще один. Шли пешком. Беседовали, как добрые знакомые. Я шла и радовалась, что отправила сына к его другу, что не видел, как его мать забирают...

Витя пришел под вечер и все понял. Потом появились какие-то дяди и все унесли. Тройник торчал в розетке, и тот забрали. Несколько дней Витя скрывался у своего друга: боялся, что его тоже заберут. Потом пошел к следователю Ускову. Следователь был добрый, велел отдать мальцу одеяло, подушку, наволочку, простыню. Потом отвел Витю в детский дом. Это все, что он мог для него сделать. А Витину маму отправили в Москву. В столице очень хотели посмотреть на Левицкую. В органах не сомневались, что она действовала не одна, что за ней стоит целая организация.

«Кто вы, Левицкая?» Сначала этот вопрос был задан в скрытой форме. Зинаиде Григорьевне велели написать во всех подробностях историю своей жизни. Бутырка. Камера восемь квадратных метров. Кровать на день убиралась в стену. Ходи, думай. Потом садись и пиши. Пока пишешь, сидеть можно. Как только напишешь, табуретка уйдет в стену вместе с кроватью. С одной стороны, спешить не следовало. А с другой... На завтрак — кусок жирной селедки и ни капли воды, на сутки — 200 граммов хлеба.

«Родилась в 1911-м, — писала Левицкая. — Отец — кузнец. Мать — домохозяйка. Вступила в комсомол. Закончила Ейское педучилище, потом — двухго-

дичную школу ЦК комсомола в Одессе и курсы парашютистов. Была участницей первого в стране физкультурного парада... Встретила офицера-политработника Левицкого Василия Фаустовича, вышла за него замуж. Уехали в город Ленинкакан. Работать по специальности — учительницей начальных классов — не брали: не знала языка. Взяли машинисткой в штаб 20-й горнострелковой дивизии, где служил муж. Потом работала в Ленинкаканском горком партии, особом отделе СМЕРШ 4-го Украинского фронта, Военной прокуратуре Прикарпатского военного округа. Осенью 1941 года, когда фашисты брали город за городом, вступила в партию. Муж погиб на фронте...»

Следователь Федоров разослал во все концы запросы, а сам, не дожидаясь ответов, начал добиваться своего.

— Я поняла, что он пытается приписать мне связь с какой-то организацией. Он отказывался верить, что я могла действовать в одиночку. Мучил меня вопросом, откуда у мужа такое странное отчество «Фаустович». Я объясняла: покойный муж родом из Варшавы. «А как ваш муж попал в Союз?» — допытывался Федоров. «Так ведь до революции Польша была в составе России!» «Ну, это еще надо проверить...» «Убейте, не скажу больше ни слова, пока не дадите другого следователя», — не выдержала я. И представьте себе, дали!

Потом я поняла, почему другой, молодой следователь отнесся ко мне иначе. Давал спать и не приписывал мне никакую организацию. Как юрист, он был, наверное, пограмотнее Федорова. И когда изучил мои «определения», когда увидел, что я применяла для освобождения людей не совсем те статьи, какие следовало, он понял, что я в юриспруденции самоучка.

Но и другой следователь понимал не все. «Ну почему вы, Левицкая, это делали? Не для протокола, для себя хочу получить эти объяснения».

— Муж моей сестры Марии парторг Таганрогского авиазавода Василий Иванович Кудинов в 1937 году похвалил Троцкого как оратора. Ему дали за это десять лет. Посадили как жену «врага народа» и Марию. В 1946 году, после моих настойчивых ходатайств, сестра была освобождена и этапирована в Ейск. Как спецпереселенке, ей не давали работу, раз в месяц она должна была являться в военную комендатуру. За что? На Кудинова пришло извещение: «Умер в Ростовской тюрьме в июле 1941 года». Такой здоровый мужик и умер?! Я не верила. Как не верила и в то, что он был троцкистом. И не ошиблась: в 1956 году Кудинов В. И. был реабилитирован.

А еще рассказала Левицкая молодому следователю, откуда у нее взялась жалость к осужденным за мелкие преступления. До тошноты насмотрелась она на тех, кто присаивал не по мелочам. Знала военного деятеля, который жил в замке из пятнадцати комнат, обстановку мебелью, «импортированной» на служебном самолете «Дуглас» из некоторых сопредельных стран. Сыновья этого деятеля летали на военном самолете загорать в Крым, а молодая жена демонстрировала комплект импортных шубок: норковую, беличью...

Потом было дело о торговле горючим. Только это горючее нюткуда не ввозили. Наоборот, отправляли из нашей страны. Потом... «Хватит!» — сказал молодой следователь.

Следствие закончилось. История Левицкой вызвала в органах большой переполох. Проверяли, не сидят ли в других судах подобные ей. Судить ее решено было в Иркутске коллегией Верховного суда Бурят-Монгольской АССР. Для заседания был выбран вмести-

тельный актовый зал областного суда. Но и этого помещения оказалось мало.

— Неудивительно. В те годы в сибирских городах судимым был чуть ли не каждый третий взрослый. Люди освобождались и боялись возвращаться туда, откуда их привезли. Или отбывали ссылку. Или их не прописывали в других городах. Желавших посмотреть на меня хватало. В зале было страшно жарко. Люди обливались потом. Народ стоял и возле здания суда. Мальчишки висели на деревьях. Когда меня вели в здание, кто-то протянул мне булку белого хлеба. Вид у меня после Бутырок был неважный.

— Это вы подписывали определения? — спрашивали в суде Баева.

— Я, — отвечал Баев.

— Это вы ставили гербовую печать? — спрашивала судья заведующую секретной частью облсуда.

— Я.

— Это вы отправляли определения фельдсвязью? — спрашивала судья начальника экспедиции.

— Я.

— Это вы освобождали заключенных? — спрашивала судья начальников лагерей.

— Я, — отвечал каждый из начальников.

— Тогда скажите, чем занималась Левицкая? — с пафосом спрашивала судья.

В самом деле! Подпись не подделывала. Печать не изготавляла. Одно только подсудное деяние — печатала «свои» определения. Все остальное «делала» спешка, пренебрежение людскими судьбами, бархатные в гигантском потоке дел.

В суде участвовали пятнадцать свидетелей. Часть тех, кого освободила Зинаида Григорьевна.

— Вы знаете эту женщину? — спрашивала судья, показывая на Левицкую.

— Нет.

— Как так? Она же вас освободила!

— Меня освободил Иркутский областной суд, — отвечал каждый из свидетелей.

— Не помню, что говорил государственный обвинитель. Поразило только, что он ни разу не назвал меня ни мошенницей, ни авантюристкой. В заключение сказал, мол, хорошо, что Левицкая проработала в облсуде всего два года. Если бы больше, она бы нам половину Колымы распустила бы. И амнист мне вину освобождение более сотни заключенных. Я еще подумала: как же они подсчитали?..

Приговоры тогда умели писать. Слышу: «освобождала врагов народа, подрывала устои». Думаю: так меня расстрелять мало. Может, и расстреляли бы, но смертная казнь после войны была отменена. Двадцать лет лишения свободы. Пять лет высылки. Три года поражения в правах. Конфискация имущества. Возмещение материального ущерба. Исключение из партии.

Выслушав частное определение в отношении лиц «прозевавших» Левицкую, Баев упал. Сердце... На другой день он умер.

Сын закончил школу с серебряной медалью.

— Решил поступать в Ростовский юридический. А его спрашивают: где родители? Он отвечает: «Мама сидит». «Забирай документы». Поехал в Ленинградский институт имени Герцена. Ему и там от ворот поворот. Он — в Ялтинский педагогический. Снова отказ. Я ему пишу: ты не говори про меня. А он: что же мне говорить? Что мама умерла? Потом, когда отказались принять документы в Черновицком университете, Виктор пошел в обком партии. И там нашелся человек, позвонил рек-

тору и велел допустить до приемных экзаменов. Ну, а дальше сыну не надо было помогать. Окончил университет с отличием. Сейчас он профессор.

Сколько ни хлебнула горя Зинаида Григорьевна, краски жизни не разделились для нее на один только черный и белые цвета. Помнит не только плохое. Помнит, как помог добрый человек ее сыну выбираться в люди. Как ректор Днепропетровского технологического института в своем кабинете кормил ее дочь принесенными из дома обедами. Как один из надзирателей в Бутырках, улучив момент, подбрасывал ей куски хлеба. С каким нескрываемым уважением относился к ней начальник лагеря в селе Плишкино, последнем лагере, где она побывала за годы заключения. Но особенно запал в память случай в Иркутской тюрьме 27 марта 1953 года. Дверь камеры отворилась, вошли двое офицеров. И Левицкая увидела, как один показал другому на нее. Тот, что был чином повыше, попросил Зинаиду Григорьевну подойти и тихо спросил, сколько лет ее сыну. Услышав ответ, с сожалением произнес: «Не пойдет!» Под амнистию подпадали прежде всего женщины, у кого были дети не старше 12 лет.

Но Левицкую милость обошла не полностью. Срок был сокращен наполовину. А потом, в конце 1953 года, она написала Маленкову, и ее освободили.

Ехал я в Ейск с легкой тревогой. Все-таки около 80-ти Зинаиде Григорьевне. — Зинаида Григорьевна работает в парке, — сказала соседка.

— Где я мог бы увидеть Левицкую? — спросил я в конторе парка.

— Как где? Будто не знаете! Туалеты прибираль, где же еще?

— Напрасно тревожились, — сказала она мне. — Отец мой прожил до 93 лет, мать — 107. Чувствую себя прекрасно. Освободилась я, поехала к дочери.

Дочь в это время работала в Красноярске. Ну, я — к ней. Таскала раствор на стройке. Потом устроилась воспитательницей в общежитие, где жила с Валей. Одновременно работала уборщицей

в школе, почтальоном. Потом вернулась в Ейск. Устроилась машинисткой в отдел народного образования горисполкома. Получала 300 рублей. А за квартиру платила 150. Когда судимость с меня сняли, решила в партии восстановиться. В горисполкоме как получили из Иркутска копию приговора, за голову схватились: кого приняли на работу?! Я говорю: товарищи дорогие, неужели после XX съезда у вас мозги не стали по-другому работать? Меня даже слушать не хотели. Молотов в годы правления Черненко восстановился в партии. А у меня не получилось...

Дело Левицкой в архивах не сохранилось. Эта история написана в основном с ее слов...

В 1953 году ее судили два суда. Выездная сессия и суд людской. Один назначил ей 20 лет и массу других кар. Другой полностью оправдал. Сегодня, когда появилась возможность рассказать об этом необычном деле, Зинаида Григорьевна Левицкая как бы снова предстанет, на этот раз перед всеобщим, человеческим судом.

Знаю, защитники скажут: она преступала закон не ради себя, а ради других. Знаю также, что найдется немало обвинителей. Один уже заявил мне: если она такая отчаянная, должна была, чувствуя угрозу разоблачения, покончить с собой, но денег на спасение не брать!

Что ж, давайте еще раз разберемся, в чем виновата Левицкая, в чем нет. Но, независимо от вердикта, пусть это дело хранится в нашей памяти. Вместе с умением сострадать и бороться с жестокостью.

ЛИЦЕИСТЫ ИЗ ПТУ

Мария БОРОДИНА
 Фото Альберта ЛЕХМУСА

— Неспособных нет, есть люди не на месте, — сказала директор ленинградского СПТУ-127 Маргарита Евгеньевна Капитонова. — А мы хотим, чтобы каждый наш ученик нашел свое место...

После я побывала в токарной мастерской. Там шла игра. Играли второкурсники. Игра не простая — деловая. Первый ее результат — продукция для базового предприятия. Второй — зарплата для учащихся. Ну, а третий... Впрочем, сначала о том, что же за игра. Один учащийся становится технологом, другой — инженером по технике безопасности, третий — нормировщиком, четвертый — пиэтом, пятнадцатый — станочником... Потом меняются ролями. Судья — мастер производственного обучения Руслан Семенович Кац.

Разные ребята становятся «технологами» и «инженерами», по-разному

работает цех. Кому-то удастся быть организатором, кому-то по душе роль контролера, а кто-то доволен своим местом у станка.

Вот и третий результат игры: помочь найти призвание. Но удастся ли его осуществить? Если твоё призвание станочник — да. А если призвание — технолог? Не может училище дать выпускнику диплом, который позволил бы ему работать, скажем, мастером участка. А выпускник техникума или даже вуза — серьёзный выпускник, и не помышляет ни о каких деловых играх и не умеет руководить — зато с дипломом.

Парадокс? Да. И чтобы преодолеть его, для одаренных ребят создаются лица. В Москве их открылось девять. В Ленинграде (чувствуете, этот город созвучен самому слову «лицей») — один, на базе СПТУ-127.

Почему именно здесь? Во многом благодаря энергии Капитоновой, которую, кстати, директором не назначили, а выбрали. Первое, за что взялась она после выборов, была «об-

Участники высказывают свою оценку того, как проходила работа, кто как проявил себя на различных должностях. Не всегда и не сразу получается разговор. Умение и желание высказываться сжато, доказательно не воспитано у большинства приходящих к нам из школы... Первые полгода учебы — самые трудные. Потом они начинают понимать и принимать требования училища. Переломный момент, я думаю, наступает тогда, когда подросток почувствует свою социальную и душевную защищенность в этих стенах...

Хочется рассказать еще об одном, что обрадовало меня в училище. Нет, не о дисплейной лаборатории, не об изготовленном в училище станке с ЧПУ, не о красиво оформленном кабинете эстетики... Тут другое — накрахмаленные скатерти и ножи в столовой ПТУ. Директору их пришлось «выбивать» — потакушкам, оказывается, такая «роскошь» не положена.

...Один из самых больных вопро-

В Александро-Невской павильоне: поклонимся времени ушедшему — именам, дням.

Здесь живут лицеисты.

Театральная студия «Вдохновение»: а давайте так попробуем!

Вечерний романс...

Мастерская — это тоже учебный класс.

щца», в которой жгли костры и писывали «фольклором» стены, канализация не работала, сорванные двери не ремонтировались, разбитые окна не застеклялись полгода...

Теперь — общежитие, где налажен человеческий быт и взаимопонимание. Первое, что я заметила здесь — нет вахтера. Доверие к ребятам, как к хозяевам дома, проявляется уже в этой детали. Делами общежития занимается совет. Большинство в совете — учащиеся.

Жить здесь интересно — ребята могут потанцевать в дискотеке, могут пойти в театральную студию «Вдохновение», где ставят и классику, и «капустники», имеющие всегда большой успех, потому что там играют «на злобу дня».

Швейная мастерская пользуется популярностью не только у девочек, приходят сюда и ребята: сшить себе модные брюки — блеск!

Действует дискуссионный клуб «Ровесник»: юные учатся анализировать, разбираться в политических и экономических проблемах, спорить...

— Современный рабочий должен уметь вести полемику, отстаивать свое мнение, — говорит Маргарита Евгеньевна. — Во время «деловой игры», в конце каждого месяца — «производственные совещания»,

сов в нашей промышленности, как считает академик Абалкин, — культура производства. Если не предпринять неотложные меры, чтобы ее повысить, то в современные цеха придется завозить не только иностранное оборудование, но и иностранных рабочих.

Но культура производства неотделима от общечеловеческой. Вот почему накрахмаленная скатерть не мелочь...

Обучить ремеслу — поддела. Помочь раскрыть творческий, духовный потенциал — сверхзадача. Почти по Станиславскому. И это, как я поняла, под силу уже не профтехучилищу, с его в общем-то утилитарным, «заземленным» подходом к воспитанию ребят, а именно лицей, восходящему традициями к формированию российской интеллигенции. В нашем случае — технической. (Будут, будут в Москве и Ленинграде и других наших городах лицей и гуманитарные, и с креном в естественные науки...)

И все же что это такое — современный лицей? Не очередная ли косметика, сглаживание и припудривание «морщин» отечественного профтехобразования? Очень надеюсь, что нет.

Впрочем, как говорится, поживем — увидим...

Деловая игра — поиск призвания.

НАЯ КОПТРЕЙ

Игорь ПАВЛОВ

Карта звездного неба в полстены, толстенные астрономические и астрологические справочники, словари, отличный японский калькулятор. Вот и все пособия, которыми пользуется хозяйка квартиры, окончившая два факультета МГУ — философский и филологический, владеющая почти двадцатью иностранными языками. Вера Петровна Виларова — известнейший (конечно, в узких кругах) советский астролог. Свидетельствую, что глаза у Веры Петровны разного цвета. Больше ничего мистического в ее облике нет.

Перед визитом к ней я теоретически подготовился, прочитав соответствующую статью в БСЭ: «Астрология — ложное учение, согласно которому по расположению небесных светил, гл. обр. планет, якобы возможно предсказывать исход предпринимаемых действий, а также будущее отдельных людей и целых народов». С определения предмета беседы мы и начали разговор.

— Вера Петровна, что такое астрология?

— Это наука о влиянии космических факторов на земную жизнь. Подчеркиваю — наука. Никакой мистики тут нет, совершенно ничего таинственного, ничего непредставимого. Чистая физика и математика. Я материалист, более того, убежденный марксист. И убеждения родились не из привитой веры в «Манифест», их питают знания. Знания и только.

— Как же представить себе механизм влияния планет на человеческую судьбу? Объясните хоть на пальцах.

— Вы согласны, что люди, рожденные в разные времена года, обладают во многом различной физиологической, а следовательно, и психологической основой? Скажем, ребенок, рожденный весной, в период отсутствия витаминов, чем-то отличается от рожденного в сентябре, тот — от рожденного зимой...

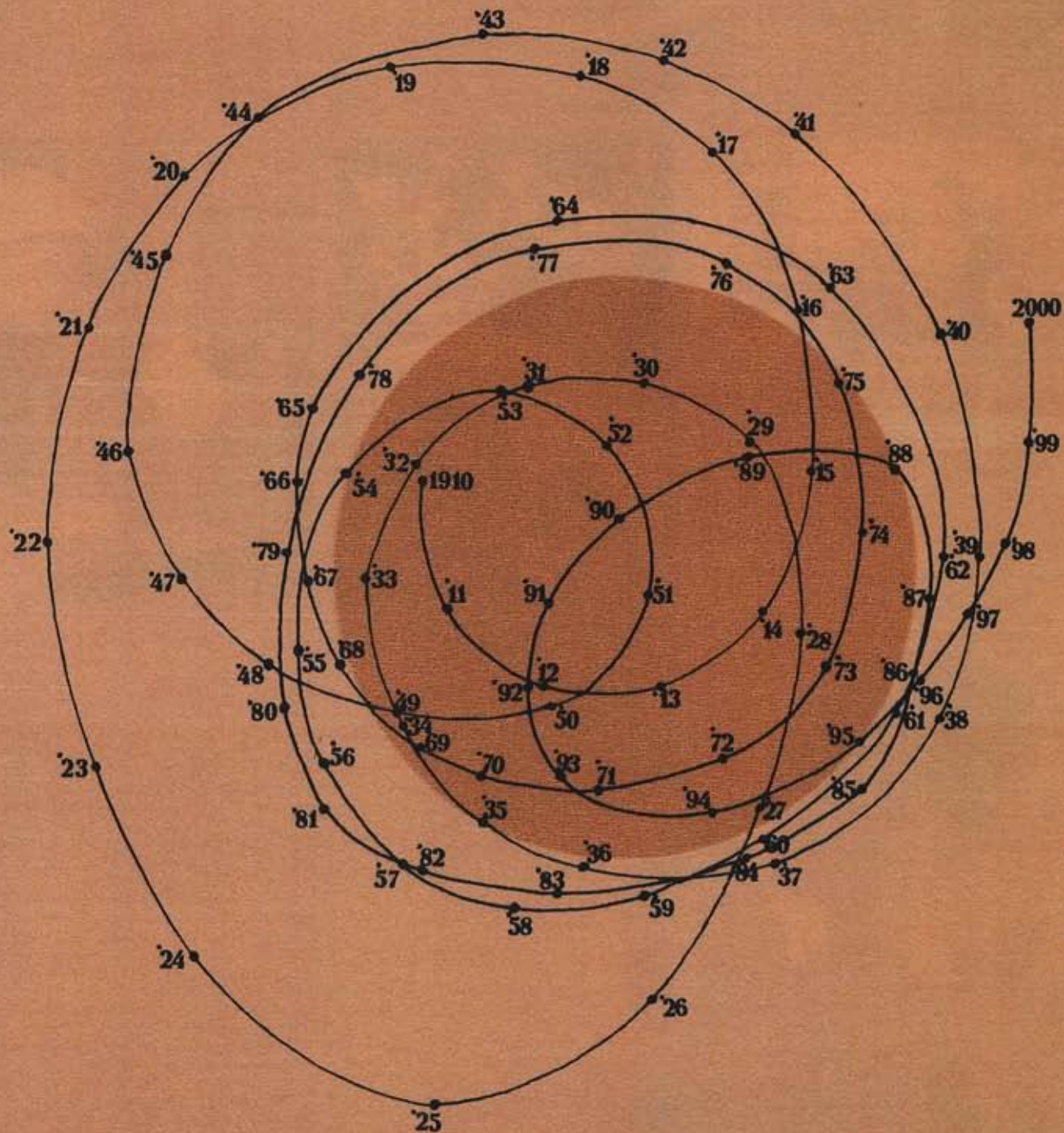
— Пожалуй.

— Академик И. П. Павлов, физиолог, дал характеристики четырех психологических типов людей и трех подтипов каждого типа. Они известны во всем мире каждому образованному человеку. Эти двенадцать характеристик представляют собой просто-напросто психологические характеристики людей, рожденных под каждым из двенадцати знаков Зодиака. Павлов, конечно, никак не соотносил свои наблюдения с астрологическими, существующими более тридцати тысяч лет.

Дело не только во временах года. В результате движения Земли нет ни одного мгновения, в котором та или иная точка земной поверхности занимает одно и то же положение в пространстве. Поэтому «мгновений рождения», столько и характеров, а значит, столько и судеб. То есть я хочу сказать, что положение планет, Солнца и Луны не только определяет жизненный путь рожденного, но прежде всего как бы показывает определенную космологическую ситуацию в этот момент. Положение планет — это словно циферблат, на котором мы видим как бы и пространство, и время.

Сейчас тысячи людей полушутя читают расхожие гороскопы, не подозревая, что, говоря современным языком, их «гороскоп» — определенное количество бит информации ДЛЯ гороскопа.

«Гороскоп» в переводе с греческого означает «смотрю час», то есть гороскоп — астрономический снимок неба на определенный момент времени, со-

НОЙ ТУЩЕ?

ставленный с помощью астрономических таблиц — эфемерид — на определенные географические координаты и время.

За 4 минуты Земля поворачивается вокруг своей оси на 1° дуги, и этот моментальный снимок неба, сделанный с каждой точки Земли, постоянно меняется. А психологические особенности, о которых сообщают ходящие «гороскопы», соответствуют лишь прохождению Солнца по одному зодиакальному знаку в течение месяца.

— Хорошо, положение звезд определяет судьбу человека. Она дается ему от рождения раз и навсегда. Тогда каков, собственно, смысл астрологии? Ведь мы ничего не можем изменить.

— Во все нет! Человек родился — от него не зависело, когда и где это произошло. А то, что он женился, а не радовался женитьбе Фигаро, попал под машину, а не построил, например, себе дачу, виновата его астрологическая неграмотность. Древние говорили: «Звезды склоняют, но не принуждают». И еще: «Глупыми повелевают звезды, а мудрый сам ими повелевает».

Планетарные влияния пробуждают наши различные инстинкты, которыми мы руководствуемся и в повседневной жизни, и в выборе кардинальных решений. Вот тогда «звезды нами повелевают». Если же мы разумно используем возникающие в нас импульсы, мы повелеваем звездами, включая самый мощный в мире генератор — человеческий мозг. Ибо ничего фатального во влиянии звезд нет. Я знала одного владельца фирмы во Франции, который в лунный месяц давал своим бухгалтерам два дополнительных выходных дня, от чего их работа становилась более производительной. Этот деловой человек располагал астрологическими знаниями: когда Луна проходит по знаку Овна, мыслительные способности становятся чрезмерно торопливыми, и люди, работающие с цифрами, делают множество ошибок. А любой бухгалтер знает, что легче заново составить какой-нибудь баланс, чем отыскивать ошибку.

Как-то, занимаясь проверкой различных астрологических положений, я попросила племянницу, работавшую медсестрой в операционном отделении, проследить, как проходят операции в те дни, когда по астрологическим правилам проводить их не рекомендуется.

Я давала ей на каждый месяц список опасных дней. Понаблюдав несколько месяцев, племянница забила тревогу: именно в эти дни резко увеличилось число неудачных операций. Она конфиденциально поделилась своими наблюдениями с работающим с ней врачом. Стали приглашать в «роковые» операционные дни корифеев медицинской науки. Результаты были катастрофическими — академики проводили неудачные операции! Попробуй тогда я или племянница официально сообщить об

этих фактах! А ведь на карту ставились здоровье и жизнь человека!

Чем занимаются люди по субботам с 11 до 14 часов? Отдыхают. Попробуйте заставить себя заниматься в это время интеллектуальным трудом — он пойдет у вас через силу и, главное, не даст никаких результатов.

Пример иного рода. Женщина много лет лечила придатки, но безуспешно. Ее гороскоп показал, что поражены не придатки, а почки. Женщина сменила врача, и дело наладилось. Часто можно объяснить и мнимое бесплодие некоторых супружеских пар. Дело в том, что положение небесных тел в период мнимого бесплодия настолько отличается от их положения в гороскопах обоих супругов, что ребенок просто не может родиться ОТ ЭТИХ РОДИТЕЛЕЙ.

Если гороскоп показывает, что вам в то или иное время противопоказана та или иная деятельность, надо стараться воздерживаться от нее, вот и все!

Я скептически относилась к астрологии до июня 1971 года. В то время я работала во Франции, где каждый месяц публикуются астрологические предсказания. В мае 1971 года прочитала, что через месяц в России предстоит общенациональный траур. Приехав домой в отпуск, я сама приняла участие в трауре по нашим погибшим космонавтам. Вернувшись в Париж, накупила учебников по астрологии, и вся мистика спала. Осталась физико-математическая основа.

— Всякий ли способен овладеть астрологическими знаниями?

— Конечно. Как и в любом деле, высот можно достигнуть лишь при многолетней учебе, но овладеть основами и пользоваться ими может каждый человек. Повторяю, тайн никаких нет. Зная свой гороскоп, человек может направить избыток энергии, с которым обычно трудно справиться, в нужное русло. Скажем, у вас летом предполагается большая физическая активность. Вы можете не только попасть под машину, но пораниться даже дома. Поэтому всю энергию следует направить в творчество, интеллектуально работать почти до изнеможения. Тогда все будет в порядке.

Вообще, чтобы давать точные рекомендации, надо построить полный ваш гороскоп на этот год. Хотя можно дать и ряд общих рекомендаций.

Вот один пример. Очень важным для каждого из нас является период в районе нашего дня рождения: 7 дней до и 12 дней после дня рождения. В этот период фактически закладывается то, чем вы будете жить в течение года. В течение 7 дней до дня рождения проанализируйте прожитый год, выявите допущенные ошибки и наметьте пути их исправления. Это как бы «период покаяния». Начиная со дня рождения в течение 12 дней планируйте помесячно (ваши месяцы начинаются с даты, аналогичной вашему дню рождения) свои последующие действия. Если в течение этих дней вы столкнетесь с какими-то трудностями, отметьте их на память и приготовьтесь пережить что-то аналогичное в соответствующем месяце года. То же самое касается радостей, выпадающих на эти дни. Вывод напрашивается сам собой: старайтесь в эти дни по возможности жить радостями.

— Получается, что человек управляет течением «своего» года.

— Да. Из-за неточности расчетов (точная дата вашего ежегодного дня рождения, то есть возврат Солнца на тот же градус и минуты, где оно было в момент вашего рождения, с годами, после 30 лет, смещается на день) может наблюдаться смещение отмеченных вами месяцев. Самонаблюдение поможет вам определить это смещение.

— Гороскоп строят на год?

— На год, на месяц, на какой угодно срок. Ваш гороскоп, построенный на определенный период, необходимо соотносить с гороскопом рождения, тогда будет точная картина. Основа всего — так называемая часовая астрология. Рождение мыслей и дальнейшее их развитие связано у человека с движением Луны. Поэтому в каждый конкретный момент можно узнать, какой результат даст та или иная идея. Надо только с точностью до минуты знать, когда возникла проблема и каков способ ее решения. Астролог даст ответ, по правильному ли пути вы идете.

— Коль скоро все в астрологии определяется вполне конкретными цифрами, наука астрология прямо-таки просится на ЭВМ. Можно наверняка составить разнообразные ЭВМ-программы на сей счет.

— Безусловно. На Западе на каждом шагу встречаются агентства по выдаче астрологических прогнозов, составленных с помощью ЭВМ.

— Вера Петровна, вас, наверное, в недавнее время преследовали, когда было запрещено все, что не было разрешено?

— Что вы, во все нет! Ни в каком Уголовном кодексе занятия астрологией не предусматриваются; это проходит как увлечение, хобби, суеверие. Астрологов у нас не преследуют, над ними смеются. А жаль! Я хотела бы снять клеймо презрения с важнейшей науки. Я верю, что рано или поздно астрология будет реабилитирована, как это произошло с генетикой и кибернетикой. Кстати, я была в свое время одной из первых, кто поддержал кибернетику как философию.

В средние века астрологи сжигались на кострах. Ненависть Инквизиции понятна: владеть судьбами людей желала только церковь. Мало кто знает, что мать Кеплера была астрологом. Кеплер, напуганный судьбой матери, долго не признавал астрологию, но под конец жизни написал: «Двадцать лет практического изучения убедили мой противящийся дух в реальности астрологии».

Немногие знают, что и великий Коперник был астрологом, будучи выдающимся математиком своего времени. Гелиоцентрическая система Коперника ни на йоту не изменила астрологического учения, потому что астрология геоцентрична, ибо мы живем на Земле, а не на Солнце.

— Вернемся в наши дни. Что нас ожидает в ближайшем будущем?

— В 1989 году планеты Солнечной системы располагаются так: в Козероге находятся Уран, Сатурн, Нептун, а в Раке с августа садится Юпитер, который как бы уравнивает планеты. Это говорит о равновесии всей Солнечной системы.

Уравновешивающее положение Юпитера будет занимать приблизительно до 1993—1994 годов (в последние годы начнется разбалансировка), перемещаясь по знакам Рака, Льва и Девы. Его пребывание в каждом из этих знаков придает спокойному в целом периоду свои особые оттенки.

В Раке Юпитер пребывает с 30 июля 1989 года до 18 августа 1990 года. Здесь он прямо-таки попадает в популярную сейчас политическую струю: строить наш общий дом (на всех уровнях). Сильно развивается чувство Родины. Заботы будут обращены на материально-экономическое улучшение положения широких масс, что будет нелегким делом: сопротивление определенных кругов будет создавать напряженные моменты. Тем не менее в экономике будут заложены солидные основы, которые дадут свои плоды уже в следующий период пребывания Юпитера во Льве с 18 августа 1990 года до 12 сентября 1991 года, когда при остающихся повседневных заботах люди получают возможность распрямиться для творческого самовыражения. Появляется мужество быть самим собой, но без эгоизма, отчего взаимоотношения улучшатся. Большое внимание будет уделяться заботе о подрастающем поколении.

И, наконец, Деву Юпитер проходит с 12 сентября 1991 года до 10 октября 1992 года. Здесь упоение успехами несколько остывает. Мы начнем более трезво и критически смотреть на то, что нас окружает, и кропотливо совершенствовать нашу экономику.

К этому можно добавить, что для Раков, Львов и Дев пребывание Юпитера в их знаках является самым благоприятным периодом двенадцатилетнего цикла, этим рекомендуется воспользоваться для осуществления своих самых заветных целей.

Барицентр — центр тяжести Солнечной системы — сдвигается к геометрическому центру, центру самого Солнца, что предвещает спокойные годы. Перед вами схема положения барицентра на период с 1910 по 2000 год. Отклонения барицентра от геометрического центра Солнечной системы предвещают различные возмущения на Земле (схема составлена для всего мира в целом). Посмотрите, как наглядно все видно. Войны, экономические депрессии, даже смягчение напряженности, которое наступило к концу 1988 года, просматриваются ясно.

— Получается, что с девяносто четвертого года человечество выходит на новый огромный виток неурядиц?

— Хочу повторить: звезды склоняют, но не принуждают. Я верю, что человечество найдет в себе силы направить энергию, высвобождающуюся к концу тысячелетия, в творческое, созидательное русло.

МАСТЕРСКАЯ

Лидия ЕПИВАНОВА

СНЫ... В РАМКАХ

3

Наташа Пашукова никогда не знает, что будет у нее на холсте. Иногда ей кажется, что сюжеты возникают как-то помимо ее воли. Не любит путешествовать. Только дом — мастерская. Пишет и вспоминает странные случаи, происшедшие с ней в жизни.

Бездна сюжетов при кажущейся монотонности. Импульсивность мышления. Парадоксальность мышления. Метаморфозы. Любит читать Шергина и Писахова. Любит копаться в обычных вещах, ибо, по ее представлению, суть их — правда.

Любит петь. Громко — народные песни. Тихо-тихо — забытые романсы. Мечта детства — стать певицей. Стала художником. Но песни звучат. В ее картинах. В русских праздниках: рождественские колядки, карнавалы, масленица. Бравурно — в цирке и шапито. Грустно — на птичьем рынке. И хорально — при рождении.

Как в жизни. Где есть смех, слезы, гротеск, легкая насмешка. До высоких тем — рождения, бытия, вечности.

В картинах много деталей, и она с трудом, ради идеи, расстается с каждой. В них скрыт смысл.

Ангелы, животные, рождение — вечный круговорот жизни, перемешанный из яви и снов. Интерес к теме 30-х годов — из рассказов матери. Дамы и военные. Белье костюмы. Светлое время. Черное время. Сталинские усы и тени. Но это стоп-кадр. Жизнь светлее черноты. Народность выше политики.

Тема одной картины может перейти в другую, трансформируясь странным образом: ангел среди войны, ребенок в гнезде птицы, свадьба на дереве, люди-птицы... Сны, магии, метаморфозы. Жизнь — театр. От ранних детских впечатлений засухи на юге России и снега выше крыши до ритма современного города. От яркой народной жизни, стихии природы — московская круговерть: шум улиц, бешеный бег времени, закручивающий с каждым годом время во все более напряженную пружину, — расслабиться некогда.

Как у Б. Шергина: «Время как птица — его не остановишь».

Школьницей — таинственный мир Пушкинского музея.

Юность — Художественное училище памяти 1905 года. Затем Суриковский институт. Факультет театрально-декорационной

1. Цирк.
2. Тридцатые годы. Пейзаж с мостом.
3. Автопортрет с ангелом и дьяволом.

4. Дама и офицер.
5. Птичий рынок.
6. Маски.
7. Лето художника. Фрагмент.

5

6

живописи. В 1975 году — дипломная работа в мастерской М. М. Курилко. Оформляет несколько спектаклей. Может, отсюда в станковой живописи — метаморфозы, гротеск? Буффонада? Темы бродячих артистов? Невоплощенный театр? Или театр жизни?..

С 1972 года постоянная участница молодежных выставок. Произведения Н. Пашуковой можно увидеть на республиканских, всесоюзных, зарубежных выставках.

Числится в нетрадиционных художниках (о, эти современные оценки!). Несколько работ в музеях страны. Но в основном — в галереях зарубежных коллекционеров.

Много работает. На палитре — сталактиты красок. Но поверхность холста гладкая — исповедует прием живописи старых мастеров.

Истоки творчества — лубок, народное искусство, парсуна. И ассоциативность мышления. И огромная работоспособность. Маленькие картинки и огромные холсты, исписанные как миниатюры. Никогда нельзя предсказать, что мы увидим у художника Натальи Пашуковой завтра...

Фото Михаила МЕЗЕНЦЕВА и Валерия КАМЫШКО

7

17

БРОНЯ КРЕПКА?..

ского состава. Нельзя же принимать всерьез систему материального стимулирования офицеров, в рамках которой военный летчик-истребитель, к примеру, получает такую же зарплату, как начинающий водитель московского трамвая.

Что же касается идеологического и дисциплинарного факторов, то когда-то их воздействия, возможно, было достаточно, чтобы поддерживать в армии должный порядок и дисциплину. Но те времена прошли.

Идеология, впадшая в глубокий кризис на «гражданке», не срабатывает и в Вооруженных Силах. Люди, если и верят в провозглашаемые на политзанятиях постулаты, во всяком случае, никак не связывают их со своей повседневной жизнью и ведут себя в ней совершенно иным, житейским нормам. Такому раздвоению (двоемыслию, по Оруэллу) способствуют вопиющий формализм и казенщина, пронизавшие все виды и уровни воспитательной работы, заведомая неспособность многих, очень многих штатных политработников, которые сами подчас не верят в то, что говорят лично составу. Что же касается дисциплинарного фактора, то и здесь картина не лучше. Какими наказаниями можно заставить солдата что-то делать, если его и наказывать-то практически невозможно? Вряд ли поставить или на работы назначить? Да они и так этим постоянно занимаются. Впрочем, и сами командиры не особенно стремятся взыскивать с нерадивых, потому что огласка нарушенных дисциплины не в интересах самих командиров. Спустить дело на тормозах куда спокойней.

Тех, кто знаком с реальным положением дел в войсках, мало утешит приведенная в интервью маршала Ахромеева оптимистическая статистика борьбы с неуставными взаимоотношениями, число которых, по его данным, сократилось за три года на 40 процентов. Трудно поверить даже при желании. Хотя бы потому, что достаточно известно о закулисной «технологии» создания официального отчетного благолепия. Как и о том, что более половины, если не все 70—80 процентов, грубых нарушений воинской дисциплины оказываются незафиксированными или, более того, скрытыми.

Тяжелое, а порой просто бедственное положение с дисциплиной во многих частях приводит к тому, что их командиры и политработники только тем и занимаются, что ее «укрепляют», отложив на второй план или вообще забросив те задачи, ради которых, собственно, и существует армия. В любом полку есть целый штат всевозможных дежурных, ответственных, проверяющих и прочих, единственная задача которых — «пасти» личный состав 24 часа в сутки, чтобы тот, упаси бог, чего-нибудь не натворил. Каждый командир знает — за недостатки в боевой подготовке в худшем случае пожурят, за провал же в дисциплине пощады не будет. Отсюда и соответствующее распределение сил, отсюда и всевозможное упрощенчество в боевой учебе, достигающее порой неправдоподобных масштабов. Стоит ли в свете этого особенно удивляться историям, подобным той, что произошла в мае 1987 года в московском небе?

Получается очевидный парадокс — солдат, который по своему статусу должен быть «надеждой и опорой» армии, на самом деле является ее обузой, своего рода трансформатором, проходя через который гигантская энергия военной машины сводится едва ли не к нулю.

Между тем в будущем ситуация с дисциплиной в войсках может только обостриться ввиду того, что, по оценкам армейских офицеров, существует устойчивая тенденция к ухудшению морально-деловых характеристик военнослужащих каждого нового призыва.

Говоря о недобровольном характере нашей армии, мы имеем в виду не только условия, на которых служит в ней рядовой состав. В той же мере это касается и офицеров. Что может быть нелепей принудительной офицерской службы? Между тем зачастую именно таково ныне положение дел. В результате армия, лишенная возможности естественным путем освободиться от тех, кто служить в ней не желает, вынуждена «тащить» их до самой пенсии, создавая массу проблем и себе, и этим людям. Как работает такой «офицер поневоле», разъяснять, видимо, не приходится. Многие просто откровенно спекулируют такой ситуацией, зная, что, как бы они ни трудились, из армии их все равно не выгонят.

Сейчас, правда, в связи с сокращением Вооруженных Сил офицерам вроде бы разрешено оставлять армию «по собственному желанию». Но на практике это законодательно не оформленное разрешение оставляет все на усмотрение начальства, опять-таки лишая самого офицера какой-либо свободы выбора. Не нужен — увольте, даже если хочешь служить, а коли нужен, так и не выпайся, — все равно уйти не дадут.

Безусловно, кое-кого в руководстве Вооруженных Сил такая ситуация вполне устраивает. Ведь отпадает целый комплекс проблем, связанных с необходимостью создавать заинтересованность в офицерской службе, повышать социальный статус офицера, защищенность его семьи, уважать, наконец, его элементарные человеческие права. Созданная в армии обстановка фактического бесправия и безгласия низового (самого массового) офицерского звена крайне негативно отражается на моральном здоровье всего офицерского корпуса, стимулирует рост безразличия, а то и прямо негативного отношения к службе. В такой обстановке офицеры теряют порой не только стремление добиваться каких-либо результатов в работе, но и обыкновенное человеческое достоинство. Смеем утверждать, что столь задавленного, столь бесхребетного офицерства не знает ни одна другая армия мира. Не случайно здесь в последние годы шли и идут в рост в основном только служаки одного, вполне определенного сорта — гуттаперчевые подхалимы, любимое занятие которых — скачка по должностям туда, где можно вытирать ноги о как можно большее количество нижестоящих. С ними могут конкурировать разве что так называемые «позвоночные» — знакомые и родственники высокопоставленных военных, которым в армии создан режим максимального благоприятствования.

Самовоспроизводство армейской элиты достигло сегодня почти абсолютных значений. Вследствие этого усиливается процесс интеллектуального окостенения военного руководства, резко идет на убыль уровень его профессиональной компетентности и человеческой состоятельности. Ощущается острый дефицит способности принимать взвешенные, до конца продуманные решения. Что греха таить — сегодня уже трудно найти военачальника, способного без помощи многочисленных «референтов» выступить перед аудиторией или тем более участвовать в интеллектуальной дискуссии. Не в этом ли, кстати, причина того, что большинство нынешних «наскоков» на армию со стороны общественности и прессы остается, по существу, без вразумительного ответа. (Любопытно в этой связи проследить за содержательной эволюцией небезызвестной «Библиотеки офицера». Если в 20—30-х годах в ее рамках издавались такие авторы, как Меринг, Клаузевиц, Шлиффен и другие крупнейшие военные теоретики, то в настоящее время интеллектуальный потолок этой серии держится на уровне «Тактики в боевых примерах».)

Разумеется, в нашей армии и сегодня

большинство офицеров честные, порядочные люди, способные работать творчески и продуктивно. Но если им не посчастливилось попасть в одну из двух упомянутых выше категорий армейских «вездеходов», то рассчитывать они могут разве что на удачное стечение обстоятельств, которое бывает, увы, довольно редко. Желающих ловить на такие шансы не много, у большинства просто опускаются руки.

Так вот и получается, что наряду с инертным, безынициативным рядовым составом нынешняя система продуцирует почти столь же пассивного, безразличного к делам службы офицера. Такая оценка может показаться чересчур мрачной или тенденциозной только человеку, который либо совершенно не знаком с предметом, либо сознательно не желает видеть его в истинном свете.

И вновь нельзя не обратиться к зарубежному опыту. В отличие от наших реалий в вооруженных силах США, например, секретность и келейность в деле отбора кандидатов на замещение руководящих военных должностей сведена к минимуму. Ежегодно во всех видах ВС США проводятся отборочные конкурсы, в ходе которых претенденты на высокий чин проходят через сложнейшую систему тестов и собеседований на предмет их интеллектуальной, психологической и профессиональной пригодности. Каждая кандидатура обсуждается авторитетной комиссией, состоящей из видных генералов американской армии. В среднем в каждом таком конкурсе на присвоение первичного генеральского звания только в сухопутных войсках США участвуют 2—2,5 тысячи полковников, из которых только 50—60 получают заветную звезду. Удивительно ли, что при таком изощренном отборе американский генералитет пополняется, как правило, наиболее опытными, одаренными, заслуженными офицерами? Бывает, конечно, и исключения, но редко.

Несмотря на четыре года перестройки, армейский «воз», как говорится, и ныне там. И удивляться здесь абсолютно нечему. Те, кто могут что-то изменить, никаких изменений не хотят, те же, кто стремится к изменениям, ничего изменить не могут.

И все же человек неохотно расстается с надеждой. Очень хочется надеяться, что новый законодательный орган всерьез озаботится настоящим и будущим нашей армии. Очень хочется надеяться, что министр обороны понимает, что армейская проблема подошла к «точке кипения», за которой может последовать взрыв, и тогда не спасет даже самая крепкая броня. И поэтому нам кажется, что вопросами, достойными для обсуждения в высшем органе власти нашей страны, могли бы быть:

— рассмотрение концепции армии в целом с параллельным изучением опыта профессиональных армий других стран, проведение эксперимента на достаточно широкой войсковой базе;

— безотлагательный пересмотр порочной и опасной практики тотального засекречивания всего, что имеет отношение к военным вопросам; законодательное закрепление права народа на исчерпывающую информацию о состоянии и направлениях развития ВС СССР в пределах, принятых во всем мире;

— рассмотрение проекта Закона об обороне, который, несмотря на его общенациональную значимость, почему-то остается в бюрократическом плену;

— пересмотр существующей системы кадровой работы в Вооруженных Силах и введение конкурсного принципа замещения руководящих должностей.

Слов уже сказано достаточно, не пора ли переходить к делам?

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы поддерживаем полемическую направленность этого материала, хотя ряд доводов авторов кажется нам весьма спорным. И тем не менее мы уверены, что даже такая точка зрения имеет право на существование уже только для того, чтобы в процессе дискуссии была возможность расставить точки над «и».

смена '89

ВАЕРИИ

■ *Жаркая полоса, жесткого полдня мета. Это горят леса посередине лета.*

■ *Не размыкая губ, криком кричит подлесок. Это и вширь, и вглубь день идет, прям и резок.*

■ *Боже, который год, длятся пожары эти. Сумрачен небосвод, пепел разносит ветер.*

■ *Скрученные огнем вымученной эпохи, мечемся, но живем на предпоследнем вздохе.*

■ *Жаркая полоса... Жадная несвобода. Не отводи глаза от своего народа.*

■ *Кроны уже черны, и обнажились корни. У роковой черты воздухом жизнь наполни!*

■ *Сердце не отводи скорбного от юдоли... Что же там, впереди, кроме огня и боли?*

■ *У горизонта, где в ясности восходящей пересечется день завтрашний с настоящим.*

НАТАЛЬЯ

■ *Краткий дождь в начале мая. Стальная острая вода пронзает рыб на дне пруда и на поверхности поднимает!*

■ *И рыба сразу понимает, что надо жить, — и без стыда серебряный чехол снимает и стонет, как глухонемая, и тонет в глубине пруда...*

ССОРА

■ *Я полагаю — нет предела пылающим причудам тела и слово — лишь условный знак между тобой и мной. Но так природа, видно, захотела, и желтоватым лунным мелом меж нами провела черту: мне — эту боль, тебе же — ту...*

■ *О, участь женщины без мужа! Что год — то новый поворот: то мот, то жмот, то обормот, то плут, то фат... А кто ей нужен — она сама не разберет. Но устремляется вперед в печальном блеске всеоружья!.. Даст бог — она свое возьмет, настигнет, победит... Но душно: тоска ночами пристаёт, то врет, то плачет, то поет, то мерит платье, как подружка...*

■ *И вот в квартиру вносят омут. Он по краям зарос травой.*

ГУРИНОВИЧ

Памяти А. Платонова

Из окон ночного вагона
так странен и призрачен мир...
Свечение лиственной кроны
и свет коммунальных квартир
единою нитью связуем —
слепящей полоской огня.
Картавого дождика зуммер
к себе

призывает меня.
Природы слепое скольжение
вдоль окон,
как росчерк пера.
Пора оборваться движенью,
в детали взглянуть пора!
И как это важно, чтоб мимо
летающее

остановить, —
в прекрасном и яростном мире
спокойным и вдумчивым быть!

ОСЕНЬ

Деревья разучились говорить.
Их голоса — их листья — облетают...
И пропадают, но не умирают,
а продолжают по миру кружить.
И вот уже широкие столбы
по вековым российским

магистральям,
собрав в морщины
скошенные лбы,
о птицах и жнивье забормотали.
Запричитал колодезный журавль
на языке природы овдовевшей —
цветов увядших

и пожухлых трав,
и поздних гроз,
до срока оттремевших.
...Над миром
голоса берез горят!

Но вижу: по сквозному прошлогодью
деревьев онемевших
долгий ряд
беспомощными ветвями разводит.

Линия моей судьбы,
от тебя куда мне деться?...
Эти «если бы», «кабы»,
как царапины по сердцу.

Что отпустишь мне сполна
безысходной службы кроме?
От любви ли, от вина
оборвешься на изломе?

Говори мне, говори,
что там будет, и что было...
Позагадочней соври,
чтоб на правду походило.

Белое, заснеженное поле,
белые над полем небеса.
Ощущенье радости ли, боли,
новая ли жизни полоса?

Только лишь вчера чернела пашня,
и у губ кружил веселый лист...
Но уже зачеркнут день вчерашний,
этот свеж, загадочен и чист!

Можно песню старую продолжить,
лучше песню новую сложить,
чтобы душу тронула до дрожи,
трепетала, как восхода нить.

Что нам надо? Воли — и не боле...
Помнило бы сердце, не глаза:
долгое декабрьское поле,
светлые над полем небеса.

Немота. Глухота. Слепота —
так оно и спокойней, и проще...
В кровь ладони!

А все же на ощупь
не найти в день грядущий следа.
Надо зреть. Надо слышать —

и пусть
нас ведет от родимого крова
и в день завтрашний
высветит путь
горькой правды
счастливого Слово.

ЧИТАЮ БОРИСА СЛУЦКОГО

В пятнадцать я стихам его внимал,
и в двадцать пять,
и в тридцать лет, и позже.
И становился чище и моложе,
как будто горным воздухом дышал!
Понятен мне его простой язык
и жест строки.

скупой по-офицерски,
с полос журнальных взглядов
прямой и резкий —
смотреть на жизнь иначе
не привык.
Я чувствую: мне лично говорит
он о тяжелых днях моей отчизны,
о хлебе черством.

О любви, о жизни! —
всем сердцем, что ликует и скорбит.
Пристрастен? Пусть!

Но так скажу: и впрямь,
чтоб людям
без стыда в глаза глядеть,
вникайте в эти страстные призывы:
к мужской отваге,
к высшей простоте...
А в общем-то
к великой Доброте —
ведь, в сущности,
мы только этим живы...

МЕРТВЫЙ ЛЕС

В мертвом лесу
не считает кукушка года...
Корни усохли,
а кроны давно отлетели.
Не облаков —
горестных судеб гряда
там, в вышине,

где качаются черные ели.
Умерший ягель
в ладонях рассыпается в прах.
А на звездке фанерной
метка стальной державы —
скручены временем

боль, надежда и страх
в этом венке нелепом
из проволоки ржавой.
...И в ледяной тишине
мне почудятся вдруг голоса
(кости истлели,
а души, как прежде, живые!)
Дальним огнем охваченные
северные небеса
давят на полусгнившие
вышки сторожевые.

В мертвом лесу не считает кукушка
года.
Замерла стрелка
на циферблате эпохи —
вот и прекрасно!
...А в бочажках колыхнется
обморочная вода
там, где звездой фанерной
высвечено пространство!

А ЗОРИНУ
...Нет, ничего не бывает зазря.
Снова над кладбищем вспыхнет
заря...
Снова, тревожный и молодой,
друг мой

в полынные степи уходит
и разговаривает со звездой —
самую дальнюю в небе находит!
Не о себе — лишь о ней говорит...
А обжигающий ветер гудит!
Горестный ветер не встреч, а разлук.
Перед звездой опускается друг,
землю холодную
нежно целует,
метит усмешкой обугленный рот...
Дальние страны его не волнуют,
в собственной —
дел еще невпроворот!

ЛЯСКОВСКАЯ

Мне руки белые заломят
и сунут в омут головой.

О подождите! Разрешите
двоих по имени позвать
и красной ниточкой свяжите,
что мне с собою надо взять,

чтоб не пришлось мне возвращаться,
и до того, как умереть —
еще
с любимым попрощаться,
еще
на сына посмотреть...

СЕМЬЯ

И десять лет — одна и та же ночь,
один и тот же дождь,
одна и та же осень!...
Кто с помощью пришел —
мы гоним прочь,
кто с радостью пришел —
назад ее уносит...
Будь проклята стоячая беда —
фатальное вращение друг в друга:
еда, воспоминания по кругу
и полное отсутствие стыда!..

То кефир, то цифирь
на космической кухне.
Кафель как бы слагает
систему миров
бесконечно повторных. Но вдруг
резко рухнет
отсыревшая плитка!
Мой мир, будь здоров.

Стол — пустая площадка —

блестит перед стартом.
Ночь вселенская.
Мрак, полный гибельных штук:
истероидов, стерв, некромантов,
мутантов,
маркитантов материи, духа пройдох...

Я в тоске по простому
просторному краю
не устану искать в детстве
встреченный свет:
не мечтою живу и не в тайну играю —
нет у времени тени и имени нет!

Мне взлетать от листа,
отрываясь от быта,
в то пространство,
где воздух пропах резедой,
где над жизнью моей
чисто небо открыто
с настоящей,
единственной звездой.

ВЕЧЕРНИЕ РАЗГОВОРЫ
С РЕБЕНКОМ

Давай с тобой гулять по зверобою
и ветер на веревке за собою
водить по замалиненным долинам,
и дружно есть зеленую малину...

На небе ночь — а небо голубое,
а мы с тобой ищем звездобоя,
а у него в руках ружье такое —
как мандолина, но длиннее вдвое...

О, он хитер! Он носит сверху дулом
свое ружье заряженным всегда,
и как бы снова нас не обманул он,
когда взойдет та самая звезда,

А он затвор как передернет быстро,
как звезданет сужающийся выстрел!
Как чашка опрокинется долина,
и из нее покатится

малина...

ПЛАВАЮЩИЙ СВЕТ

Сводила скулы кислота
узорчатых, незрелых вишен...
Был мамин оклик так излишен,
что застывал на сгибе рта:
НА-ТА...

Звенела лета глубина
в ушах, в цветах, во всех сосудах,
непостижимо! — но оттуда
неслось назад, достигнув дна:
ТА-НА...

Мне было скоро восемь лет,
и я любила игры эти —
меня в саду на табурете
купала мама. Плавал свет
на волосах и мокрой кофте,

простым движением одним
снимала пену, будто дым,
и воду пробовала локтем —
веснушчатый
и золотым...

МУЗЫКА В ЛЕСУ

Невидимо кто, неизвестно откуда
неясно по чем чем-то вдруг
постучал:

и с силой свободы,
со щедростью чуда
нечаянно лиственный лес зазвучал!
Отчаянным счастьем охвачены

листья,
в покорном восторге трепещет лоза,
кусты листоплещут! А травы,
приблизясь,
пытаются сладостный звук

облизать...
Вон там на жестоких гитарах
играют —
цыганская роза меж пальцев цветет,
а там, от печали и страсти сгорая,
свирельным узором украсили рот.

Направо поют истеричные скрипки,
прикрывши глаза. А посмотришь
вперед —
губная гармошка, как злая улыбка,
скользит по лицу и вот-вот

упадет...
Сквозь гордое горло поющего горна
не хлынула кровь музыканта еще,
он ждет!
Как влюбленная дева, покорно,
застенчивый гриф положил на плечо
смешной контрабас молодому

повесе...
А слева — лукавая флейта в руках
от плеч обнаженных, и этим
преlestных...
Качаются клавиши на стельках,
как ландыши. Вальсы и птицы
летают,
рояль из земли постепенно растет,
цветущая музыка мир оплетает
и как партитура раскрыт небосвод...

Кто все сочинил
и, взмахнув рукавами,
с таким вдохновеньем
в полете исчез?!
В скрипичном витке
развернув перед нами
страданье и музыку,
лето и лес...

СОЛНЕЧНЫЙ СТАКАН

И солнечный стакан в руке разрезан,
и из него течет и кровь, и мед,
кривым потоком в пересохший рот —
и он поет!

О, он поет большую букву О,
как луг навстречу трепетным
стрекозам,
как соловей под радостным
наркозом
цветка и ночи, втиснутый в него!
Рожденье это или рождество?

Евгений ФЕДОРОВ

Юрмала... В самом этом слове слышится шум запутавшегося в соснах ветра, хруст белого песка, плеск волн. Поэтому очень хочется нырнуть с ласкового моря, но в нем, увы, «купаться не рекомендуется»... Или с солнца, но оно, как говорят, жутко радиоактивное. Тогда уж прямо с песен юрмальского конкурса, но они в большинстве своем не порадовали... Традиционно, я бы сказал, не порадовали. Старые болезни конкурса молодых исполнителей советской эстрадной песни стали за четыре года хроническими.

Опять репертуарный голод, опять организационные «накладки», опять двоевластие ЦТ и Лыбьского телевидения, дирекции и оргкомитета, опять дефицит ярких исполнителей... Ну не рванутся пока эти проблемы, и все тут. Поэтому ругать

«Юрмалу-89» так же глупо, как и хвалить ее. А для того чтобы спокойно воспринимать свое действие, нужно осознать очень простую вещь: это конкурс, которого заслуживают наша эстрада и наше телевидение.

Поэтому хорошая и простая, как бублик, идея «Юрмалы» — найти молодые таланты и дать им путевку в жизнь — практически не срабатывает. Например, у нас нет института продюсера и менеджера, поэтому участники конкурса даже на заключительном этапе выглядят очень и очень «сырыми»... Как-то принято, говоря о проблемах конкурса, акцентировать внимание на репертуарно-организационном аспекте соревнования. И в общем-то такой взгляд оправдан... Но ведь это же конкурс не просто вокалистов, а «исполнителей советской эстрадной

Фото Евгения МАТВЕЕВА

песни». А какой может быть эстрадная «звезда», если она (или он) не умеет подобрать себе костюм, не к лицу подстрижена, жутко двигается, «свирепо» накрашена... То есть не имеет своего имиджа, без которого, скажем, по ту сторону Балтийского моря и нечего даже пытаться подняться на сцену.

На конкурсах красоты (к которым я испытываю довольно сложные чувства) девушек на заключительном этапе, прежде чем запустить на подиум, тщательно готовят: у каждой участницы свой парикмахер, художник по макияжу, есть тренеры по азробике, балетмейстеры и т.д. Все эти люди в меру своей компетенции и умения подготавливают в течение определенного времени участниц к соревнованию, то есть занимаются «доводкой». На юрмальском конкур-

Сосо ПАВЛИАШВИЛИ

ИЗДА
В ЛИЩЕ

Анжелика ПЕТРОСОВА

Евгений КУЛИКОВ

се подобные традиции, увы, отсутствуют, хоть и продолжается песенный телемарафон практически целый год... Но в то же время кого винить, если и во всей нашей эстраде нет этих традиций?..

Так же зеркально отражается на сцене «Юрмалы» и общий дефицит репертуара. Молодые композиторы, к сожалению, не радуют новизной мысли да и не имеют прямого выхода на «юрмальчан». А «маститым» отдавать в еще неумелые руки свое творение неинтересно — лучше уж постараться устроить его в репертуар апробированной «звезды» либо исполнить (даже при минимальных вокальных данных) самому. Тем более что и писать-то песни нашим эстрадным метрам в последнее время все больше недосуг: куда интересней возглавить какую-нибудь студию или объединение, заседать в жюри, ездить на семинары и творческие встречи... Так чего же удивляться жуткой стилевой эклектике конкурса в Юрмале, когда молодые практически не имеют выбора, когда основную роль играет случай...

В идиллии «Юрмала», помимо открытия новых имен, должна поставлять новые шлягеры. Поскольку шлягер — это эталон эстрадной песни. А сколько их прозвучало на «Юрмале-89»? Три? Два? Один? Пожалуй, один есть точно — песня в исполнении Евгения Куликова (вторая премия) «Как все» (слова Е. Куликова, музыка В. Фигаровского). На этот «хит» нужно обратить особое внимание. И вот почему.

Последние годы развития нашего искусства отмечены значительной политизацией всех направлений и жанров. Публицистика ворвалась в живопись, кино, театр, литературу... И вот ее первые волны начали захлестывать фестиваль в Юрмале. И дело здесь не только в довольно симпатичной эстрадно-социальной песне (таких, кстати, очень мало) в исполнении Евгения Куликова, но и во взметнувшихся в зале «Дзинтари» грузинских флагах на песню «Свобода» (музыка С. Павлиашвили, слова Л. Гвелеспаки) в исполнении Сосо Павлиашвили («Гран-при» конкурса). Таким же образом было встречено и выступление Арама Геворкяна (третья премия), хотя в его песнях, насколько я понял, не было никакой «социалки»... И все-таки, к счастью, «Юрмала» осталась верна себе — первая премия была присуждена Анжелике Петросовой, действительно очень милой, обаятельной и оригинальной певице, которая

выбрала верную дорогу к победе, совпадающую с очень популярным сейчас «восточным» течением в западной поп-музыке.

Очень приятное впечатление оставил Фоминис-младший (третья премия). Талантливая семья! Жаль, если Иво, так же как и Родриго, не получит всеобщей «раскрутки». В принципе из всех юрмальских «звезд» можно сказать, только у прошлогоднего победителя — Александра Малинина кривая популярности пошла вверх после конкурса. Все-таки ограниченные рамки национального языка республиканские «звезды» становятся, как правило, «светилами» локального значения. А жаль...

...Я принципиально не буду рассказывать о победителях конкурса. Сейчас, видимо, гораздо важнее определить, куда направлен вектор развития конкурса. Ведь на «Юрмале-89» довольно отчетливо прозвучал вопрос: быть ли «Юрмале-90»? И причины здесь не только творческие. Прежде всего недоволен сам город, с представителями власти которого журналистам толком поговорить не случилось... Говорят, что конкурс Юрмале невыгоден, и, видимо, поэтому произошла жесткая коммерциализация соревнования. (Опять-таки как и всей нашей эстрады!) Начиная от того, что участники «Юрмалы» были задействованы в многочисленных благотворительных (в фонд города) и коммерческих концертах, и заканчивая тем, что даже с журналистов, которые приехали на конкурс, как и участники, и жюри, работать, брали деньги за посещение соревнований. Будь добр: 6 рз за каждый концерт!

Была и еще одна «замечательная» новация на «Юрмале-89» — «таинственный ящик», который породил столько разговоров. Как вы помните, в этом году жюри было предложено голосовать на втором этапе «втемную», благодаря чему никто, кроме «особо доверенных лиц», не знал результатов второго, решающего тура вплоть до гала-концерта! Сделано это было, следуя официальной версии, для того, «чтобы не отвлекать участников соревнования» (!), ну а на заключительной пресс-конференции было пояснено — чтобы победители не расхолаживались (!!) перед гала-концертом, с одной стороны, а с другой — чтобы показать на телеэкранах четко и ясно реакцию

Я спрашивал их троих вместе и по отдельности, когда же судьба за долгие годы сводила всех вот так на праздниках. Все трое не могли припомнить. В работе — да. Память услужливо, словно видеопленка, могла выдернуть любой из сыгранных матчей. Да что матч — любой его эпизод, даже тренировку.

Но я пытался настроить их на не слишком приятные воспоминания. Таких в карьере самого удачливого футболиста или тренера наберется, конечно же, с лихвой. Если захотеть вспомнить.

Три моих героя встретились в середине лета на празднике в Киеве. Знаменитый футболист Олег Блохин пригласил на свой прощальный матч двух знаменитых тренеров — Александра Севидова и Константина Бескова. Проводы — событие всегда с налетом грусти. Трогательное, сентиментальное, со слезой. А я приставал к ним с расспросами о проходах без торжеств и добрых напутствий, проще говоря — об отставках, участии, которой не избежали у нас

и результативный левый крайний, которому со временем суждено было стать центральной эпохой в истории советского футбола.

— Уже тогда, к началу 70-х, я, мальчишка, знал, что игрой в футбол руководят не только тренеры, — вспоминает Блохин. — При мне, игроке еще дублирующего состава, на нашей загородной базе в Конче-Заспе стали появляться неувлечивые и неприступные люди в темных костюмах, приезжавшие, как правило, на нескольких черных «Волгах». Мрачны они были заранее, поскольку прибывали на базу в основном в дни неудач команды. Если та была в лидерах, то считалось, что все нормально и пусть оно идет, как идет. Но стоило клубу чуть забуксовать, как его приезжали подстегивать. В форме крика, брани и вопросов: «Ну, чего вам, дармоедам, еще не хватает?» По молодости я, понятное дело, был слегка шокирован таким отношением к нам «руководства». Еще больше удивляла полная некомпетентность наших опекунов в спорте вообще и футболе в частно-

вый, — еще бы, через считанные минуты его и команду ждет круг почета с хрустальным призом. Но богатой на сюрпризы спортивной судьбе угодно было распорядиться по-иному. На последней минуте ереванцы сумели отквитать единственный пропущенный по ходу игры гол, а в дополнительное время и склонить чашу весов в свою пользу. Теперь камера показывала уже вызывающее жалость и сочувствие лицо Севидова, оставшегося без нападающих — обратных замен в футболе не бывает.

Драма в лицах имела свое обычное для нашего футбола продолжение. Всезнающие кураторы сочли тренера, который вернул их команде ведущие в стране позиции (в том же 73-м, кроме выхода в кубковый финал, киевляне завоевали еще и серебряные медали всесоюзного первенства), некомпетентным, чуть не дилетантом в своем деле — такой ляп очевидный допустить! Уж они-то Блохина (ничего, что с большой буквы?) не заменили бы, будьте уверены. Подумаешь, усталость

там какая-то, травмы да болезни. Чуть все это! Они тоже, бывает, нездоровыми на службу выходят. И ничего — до конца на совещаниях досиживают. И республика, а с ней и вся страна, от такой их деятельности «через не могу» все хорошеет, но вот отдельные дармоеды, такой самоотверженностью не обладающие, никак с них пример брать не хотят. Выводы? Блохина простили — все-таки не самовольно поле покинул, Севидова сместили.

Годом раньше московскими кураторами динамовского футбола был снят с работы Константин Иванович Бесков. Он тоже проиграл свой финал. Правда, это был финал Кубка европейских обладателей кубков, куда ранее ни одна из советских команд не выходила. Ну и что? — проиграл ведь. Кураторы из столицы, чьи точные имена и до сих пор можно установить лишь предположительно — наше прошлое умеет хранить свои тайны, — явно видели слабые места в игре, проигранной шотландскому «Глазго Рейнджерс». Из Москвы — и то видели. А Бесков вот и за границей

Сергей МИКУЛИК

“КОМИССАРЫ” В НОВЫХ

в спорте даже самые великие. Я сознательно разжигал в них боль старых обид. Ведь проводы — это еще и место для исповеди.

Вас никогда не занимал вопрос: кто назначает и снимает тренеров в большом спорте? Кто стоит за краткими, редко комментируемыми сообщениями, что в такой-то команде вместо тренера Х теперь будет работать тренер У? Каждый раз их сопровождают слухи, что нити, мол, ведут «на самый верх», но слухи эти слухами и остаются. Лишь совсем недавно один из бывших на самом «верху» — бывший председатель КГБ СССР, затем работавший заместителем Председателя Совмина Украины В. Е. Семичастный впервые рассказал в печати, что на последнем посту курировал спорт. Причем высказал он все это в довольно своеобразной форме: «На Украине я вел вопросы бюджета, вел весь транспорт и связь. Да еще плюс половину культуры: спорт, комитет по культурам, всякие комиссии. А в киевском «Динамо» я вообще кем-то вроде комиссара был. Не вылезал от них. То одно... То блохины все эти самые, с ними возился я».

Тренировал киевское «Динамо» в ту пору Александр Александрович Севидов.

Команду он принял в 1970-м на непривычном и непрестижном для нее после успехов середины 60-х шестом месте. Через год вывел ее в чемпионы, а еще год спустя познакомил футбольный мир с 20-летним тогда Олегом Блохиным. В «Динамо» появился быстрый

сти. Вы бы послушали, что за советы «по игре» они нам давали! Я иногда порывался спросить: а в курсе ли они, во что мы вообще играем? Но вначале более старшие меня за рукав одергивали, а со временем я и сам умнее стал. Да и что можно ответить на крик?

Не знаю, может, такая манера у них «наверху» в те годы была принята, только в нормальном тоне с нами крайне редко разговаривали. И лучше бы не разговаривали вообще, но надо же было докладывать еще более высокому начальству о проделанной «работе» с этими людьми с маленькой буквы. Я не обиделся на товарища Семичастного, когда он так про меня сказал, нет. Все трюно. Для него и ему подобных мы всегда внизу находились, кроме тех моментов, когда они грамоты да поощрения за наши золотые медали получали. Интересно только, почему ему именно моя фамилия на ум пришла? Еще раз популярного игрока унижить захотелось — раньше-то такую возможность постоянно имел, а теперь вот из отставного далека и не докричишься — или других он просто не помнит? Мы ведь все для него были на одно лицо.

Допускаю, что лицо Блохина куратор команды мог запомнить, когда его показали во весь экран на последних минутах финала Кубка страны 1973 года в матче против ереванского «Арарата». Игру ту легко вспомнит любой болельщик со стажем. За 5 минут до ее окончания Севидов заменяет своего уставшего юного форварда, и тот уходит с поля вконец утомленный, но счастли-

не видел, отчего порученное ему ответственное мероприятие и завалил. Пусть-ка поищет себе работу, чтобы нам спокойнее было на нашей.

Без работы в нашей стране никто не засидится, нашлась она и для Бескова с Севидовым. Больше того, мало кто знает, что по замыслу динамовских кураторов два выдающихся тренера должны были работать вместе в московском «Динамо». Севидов принял коллектив в 75-м (чтобы через год, повторив пройденное, сделать его чемпионом), а Бесков год спустя должен был быть утвержден начальником команды. Можно только гадать, каких результатов достигли бы они, работая в тандеме, но назначение Бескова в силу каких-то причин чуть затянулось, а тут из высшей лиги вылетел один из ее флагманов — «Спартак». И место старшего или, как мы теперь говорим, главного тренера, как водится, было объявлено «комиссарами» команды вакантным.

Тут-то и всплыла кандидатура «безлошадного» на тот момент Бескова. Его официально пригласили, и Константин Иванович, не давая своего согласия, пошел к динамовскому руководству известить о появившемся на него спросе. Пошел исключительно с целью ускорить свое возвращение в родное «Динамо». А ему вдруг с радостью разрешили отправиться в командировку в «Спартак». В тот день и родилась знаменитая фраза: «Легко же они меня отдали».

Действительно, легко. Но у «Динамо»

сами с собой. И не те ли «комиссары» с год назад, когда «Динамо» позарез был нужен атакующий полузащитник с хлестким ударом, разом пресекли планы всей вашей селекционной работы. «Кого вы там хотели пригласить из Душанбе? Какого еще Гесса? Человека с такой фамилией в команду, олицетворяющую мощь МВД и КГБ сразу? Да вы шутите, что ли?»

Они, думаете, золотые медали ваши помнили? Да нет, скорее прокол с фамилией. Важную политическую ошибку. А тут еще и сионисты...

Остался в «Динамо», сами понимаете, коллега Севидова. Неважно, что он приложил руку к развалу великолепной команды. Команды, которую и сегодня, через десять лет после Севидова, не могут еще собрать. Зато какая благодатность! В сочетании с компетенцией уровня «верхов». «Сионист», ныне наш торговый партнер, по несколько раз в год бывающий в СССР, никогда не считал его сильным тренером. Почему и не был знаком, и не подошел тогда, в Лос-Анджелесе. А то бы неизвестно, как оно все обернулось.

А футболист Гесс в скором времени объявился в «Спартаке». У Бескова. Политико-воспитательная работа в этом спортивном обществе в тот момент, видимо, ослабла. Или позарез нужен был атакующий полузащитник с хлестким ударом, и на политику можно было закрыть глаза. Он у Бескова потом и в сборной играл. В той самой сборной, откуда Константин Иванович с треском вылетел после неудачной игры команды на чемпионате мира 1982 года. По чьему конкретно распоряжению? Да кто ж нам на такой вопрос ответит...

КОЖАНИКАХ

был Севидов, при котором дела шли совсем неплохо. В 77-м завоевывается Кубок — на сей раз Сан Саныч обошелся без роковых замен, а к 79-му подбирается такая команда, что сразу две трети ее попадают на заметку тренерам сборной. Последнюю предсезонную проверку «Динамо» проходило в турне по Америке.

В Лос-Анджелесе к Севидову и команде подошел бывший гражданин города Киева и страстный поклонник тамошнего «Динамо», со временем обосновавшийся за океаном. С Севидовым они были хорошо знакомы. Спросив, как это свято у нас принято, разрешения у руководителя делегации, тренер совершил в сопровождении американского коммерсанта двухчасовую экскурсию по городу.

По возвращении — не в гостиницу, а в Советский Союз — один из соратников тренера, проявив завидную бдительность, дал руководству сигнал — по-теперешнему, наверное, обыкновенный донос. Севидова вызвали на «самый верх» и долго выясняли, как же он, представитель МВД и КГБ в одном лице, мог позволить себе общаться с заведомым сионистом и явным врагом нашего строя. Как он вообще поздороваться-то с ним догадался!

Севидов, который хоть и все прошел на своем долгом тренерском веку, но никак не мог привыкнуть к тому, что во все времена находились люди, гордые до нравочений, вспылывали и отвечали, что не видел повода для «неузнавания» человека, с которым несколько лет назад в своей стране у него были совершенно нормальные отношения. И еще догадался поставить вопрос ребром — о своем бдительном коллеге. «Или он, или я». Повернулся и вышел.

Ах, Александр Александрович! Как вы были наивны! Не болельщики же спрашивали, кого они хотят видеть тренером любимой команды. И не футболистов. «Верхи» советовались только

Зато мы знаем, кто хотел уволить Олега Блохина, который был в сборной Бесковского созыва первой скрипкой. Был-то был, да вот как-то «наверху» подчитали (от избытка, видимо, свободного времени), что футболист Блохин с 15 марта по 15 июня не забивает в сборной команде СССР голов. Правда, говорят, что в глубину поля отходит, что-то там организовывать помогает, но «комиссаров»-то на мякине не проведешь. Они дармоедов за версту чувствуют. Тем более если те голов по три месяца не забивают. Эх, нет внизу нужной самоотверженности, нет...

И «вниз», то бишь на учебно-тренировочную базу сборных команд страны в подмосковный Новогорск, командировается тогдашний заместитель председателя Спорткомитета СССР товарищ Сыч. С простой и ответственной миссией: в тот момент, когда нога зампреда ступит на территорию базы, собрание команды должно уже голосовать за исключение Блохина из своих рядов. Он, правда, только что три года подряд признавался лучшим футболистом страны, но не за счет, видимо, самоотверженности, а благодаря таланту. А таланты нам «внизу» не нужны. Но тренер сборной не просто игроков себе подбирает — личностей. И они Блохина отстояли.

А вообще затейливые это были годы в нашем спорте, 70-е. Кого только в физкультурно-спортивную систему не сыскали. И откуда. В Одессе, например, два года горспорткомитетом руководил человек, бывший до этого директором областного клуба собаководства. Позанимался немного устройством сборов для многоборцев, существовавшего исключительно на бумаге комплекса ГТО, и пошел дальше — в систему профтехобразования. В Свердловске председатель того же ведомства, устраивая планерки по понедельникам, умел слушать тренеров, задавая им

время от времени деловые, короткие вопросы. До сих пор уральцы из уст в уста передают его диалоги: «Что у вас?» — вопрос тренеру прыгунов с трамплина. «Готовим резервы. Мальчишки, недавно набранные, уже юношеский трамплин потихоньку осваивают». «Это хорошо. Ну, а девочки?..»

И это все руководители и «комиссары» большого спорта. Удивительно, как он тогда еще держался. Нетрудно представить себе уровень компетентности руководителей массового спорта, если он у нас развалился полностью.

Посредственность не уживается с талантом. Это в общем-то естественно. И не страшно, если все стоят в изначально равных позициях. А если посредственность — номенклатура?..

Сколько безымянных «комиссаров» по поручениям сверху и собственной прихоти баловались у нас покровительством того же футбола. Если перечислить все оскорбления, все нанесенные только Севидову (принявшему сейчас команду «Ротор» из Волгограда) и Бескову (минувшей зимой вновь оставшемуся, после 12 триумфальных лет, без работы), то в журнале не хватит места. А сколько вообще талантливых специалистов были в итоге низведены у нас до уровня посредственности, ими руководивших? А сколько сдалось, внутренне сломалось, не выдержав бесконечных мытарств? Ни одна статистическая служба не скажет нам, сколько, например, тренеров футбольных команд, мастеров было смещено со своих постов в последнее, скажем, двадцатилетие. Зато точно известно, что восстановлен на работе, обратившись в суд, был один. Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер страны, многолетний наставник национальной сборной, Михаил Иосифович Якушин, уволенный с должности старшего тренера московского «Локомотива» по пункту 2 статьи 33 КЗоТ РСФСР 1 июня 1973 года.

Дело то давнее, но уж больно легко перекидывается (и перекинется, как вы увидите) от него мостик в сегодняшний день.

Из представления в местный комитет ЦСК ДСО «Локомотив»: «До поступления в ЦСК т. Якушин М. И. 2 года не работал как пенсионер по возрасту. За 6 месяцев работы т. Якушина в должности старшего тренера выявилось, что он утратил свою квалификацию и по физическому состоянию не справляется с работой по подготовке спортсменов-футболистов».

Т. Якушиным М. И. не выполняются основные требования методических указаний Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР по организации учебно-тренировочного процесса в командах мастеров. Т. Якушин ослабил дисциплину в команде, плохо руководил тренерским составом, в результате чего команда оказалась неудовлетворительно подготовленной к чемпионату СССР 1973 года и не только не повысила, а значительно снизила свои спортивные показатели.

Прошу местный комитет рассмотреть данное представление на своем заседании и дать согласие на увольнение т. Якушина М. И. по статье 33 п. 2 КЗоТ.

Председатель Правления ЦСК ДСО «Локомотив» П. Кузнецов».

Местком и рассмотрел, и дал. Потом, на суде, т. Кузнецов будет говорить, что команда «Локомотив» имеет много болельщиков и защищает честь многомиллионной армии железнодорожников. И что положение, к которому привел команду тренер Якушин (7-е место по ходу первенства), для нее унижительно. Поэтому, пока не поздно и есть еще время поправить дела, товарищу Якушину и было предложено расторгнуть трудовое соглашение. «Мы считали, что он неправильно давал нагрузки, неправильно проводил тренировки, и к тому же отстранил других тренеров команды от практических занятий...»

Теперь о том, кто такие «мы». Адвокат истца В. Садков: «В постановлении месткома есть вы-

ступление одной женщины, которая сказала: «Я ничего не понимаю в футболе, но, как говорят, играют плохо и мало очков, и поэтому я присоединяюсь к решению дать согласие на увольнение т. Якушина».

Теперь о возрасте.

Прокурор Е. Виноградова:

«Ссылка на возраст не может служить мотивом для увольнения. Вы брали его не 20-летним юношей, а ему был 61 год. Так что сейчас все эти разговоры насчет возраста просто неуместны. А насчет здоровья — имеется документ, который подтверждает, что М. И. Якушин по состоянию здоровья работать тренером может».

Ну, а насчет своей квалификации пусть, наверное, скажет сам Михаил Иосифович.

— Меня обвиняют в том, что я методически неправильно вел занятия. У меня есть все конспекты практических занятий, установок и разборов игр. Нигде и никогда не ведется протокол разбора игры (кстати, как и производственных совещаний).

Меня упрекали, что я малограмотно вел собрание, утверждая, что у нас, несмотря на проигрыш, все хорошо, все в порядке, в то время как положение в команде «напряженное».

Но я не мог рубить сплеча, не мог только обругать игроков за поражение. Это-то как раз сделать было не сложно. Но я этого делать не имел права. У меня в плане разбора игры было предусмотрено объективно осветить ее ход, отметить как ошибки, так и хорошие действия игроков, их взаимодействия в звеньях. Отметить грубые технические ошибки, повлиявшие на результат игры. Поругать, но и найти отдельные, пускай и незначительные, положительные игровые моменты. Здесь нужен и дипломатический подход. Надо очень тонко указать на неправоту действий в каких-то моментах, попытаться вдохновить на будущие выступления. Но этого, боюсь, не понять не сведущим в деле людям.

Судья:

— Сколько времени нужно готовить команду физически?

Якушин:

— Гм... Определить игровое физическое состояние невозможно, нет такого прибора, который смог бы это сделать. Я лишь могу уверенно сказать, что наша команда физически на момент снятия никому не уступала.

Помощник судьи:

— Когда вас отстранили от работы? Якушин:

— Когда я пришел проводить очередную тренировку по расписанию...

«Ну, и зачем вы вытащили на свет эту историю 16-летней давности?» — могут спросить меня. А затем, что с Бесковым-то в «Спартаке» распрощались практически так же. И не в 72-м—73-м, когда избавлялись от него в «Динамо», а уже в 88-м—89-м, в «Спартаке». Посмотрели «комиссары» в турнирную таблицу, когда других дел чуть прибавилось, и увидели там свой «Спартак» на 4-м месте, что после беспрецедентного девятилетнего пребывания команды Бескова в призраках первенства страны было расценено как жуткая неудача. И вспомнили вдруг, что 68-летний тренер достиг, оказывается, пенсионного возраста. Вот только что достиг, после четвертого места. Все, как с Якушиным (который, кстати, на следующий после восстановления по суду день, из «Локомотива» уволился). Или непохоже?

Кто же они, сегодняшние «комиссары», спросите вы? Не скажу, потому что не знаю. Могли лишь дать справку, что в случае с Севидовым все замкнулось на тогдашнем зампреде ЦС «Динамо» Гостеве, с Бесковым — на нынешнем директоре футбольно-хоккейного клуба «Спартак» Шляпине, а с Якушиным, как вы уже знаете, на Кузнецове. А «наверху»? Может, и объявится со своими откровениями лет этак через двадцать еще один товарищ Семичастный.

А пока наши дочери будут, видимо, продолжать прыгать с трамплинов...

Книга известного философа Эриха Фромма «Искусство любви», выпущенная в Нью-Йорке в 1962 году, обошла весь мир, но еще не издана в СССР. Предлагаем вашему вниманию отрывок из нее.

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь — это приятное чувство, испытать которое — дело случая, нечто такое, что выпадает удачливому человеку? Эта маленькая книга основана на первой предпосылке, хотя большинство людей сегодня, несомненно, исходят из второй.

Братская любовь — это любовь между равными; материнская — любовь к беспомощному существу. Как бы они ни отличались друг от друга, общее у них то, что они по своей природе не ограничиваются одним человеком. Если я люблю своего брата — я люблю всех своих братьев; если люблю своего ребенка — люблю всех своих детей; более того, люблю всех детей, всех, кто нуждается в моей помощи. Противоположность этим типам любви эротическая любовь; она жаждет полного слияния, единства с одним человеком. Она по своей природе исключительна, а не всеобща; к тому же, вероятно, это самая обманчивая форма любви.

Прежде всего ее часто путают с бурным переживанием «влюбленности», внезапного крушения барьеров, существовавших до этого момента между двумя чужими людьми. Но переживание внезапной близости по самой своей природе кратковременно. После того, как чужой станет близким, нет больше барьеров для преодоления, нет больше неожиданного сближения. Любимого человека познаешь так же хорошо, как самого себя. Или, может, лучше сказать — познаешь так же мало, как самого себя. Если бы познание другого человека шло вглубь, если бы познавалась бесконечность его личности, то другого человека никогда нельзя было бы познать окончательно и чудо преодоления барьеров могло бы повторяться каждый день заново. Но у большинства людей познание собственной личности, так же как и познание других личностей, слишком поспешное, слишком быстро исчерпывается. Для них близость утверждается прежде всего через половой инстинкт. Поскольку они ощущают отчужденность другого человека прежде всего как физическую отчужденность, то физическое единство принимают за преодоление отчужденности.

Кроме того, существуют другие факторы, которые для многих людей означают преодоление отчужденности. Говорить о собственной личной жизни, о собственных надеждах и тревогах, показать свою детскость и ребячливость, найти общие интересы — все это воспринимается как преодоление отчужденности. Даже обнаружить свой гнев, свою ненависть, свою полную неспособность сдерживаться — все это принимается за близость. Этим можно объяснить извращенное влечение друг к другу, которое в супружеских парах часто испытывают люди, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они находятся в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости. Но во всех этих случаях близость имеет тенденцию с течением времени сходиться на нет. В результате — поиски близости с новым человеком, с новым чужим. Опять чужой превращается в близкого, опять напряженное и сильное переживание влюбленности. И опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием новой победы, новой любви — при иллюзии, что новая любовь будет отличаться от

прежних. Этим иллюзиям способствует обманчивый характер полового желания.

Половое желание требует слияния. Но физическое влечение основывается не только на желании избавления от болезненного напряжения. Половое желание может быть внушено не только любовью, но также тревогой и одиночеством, жаждой покорять и быть покоренным, тщеславием, потребностью причинять боль и даже унижать. Оказывается, половое желание вызывается или легко сливается с любой другой сильной эмоцией, лишь одной из которых является любовь. Из-за того, что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что любят друг друга, когда их физически влечет друг

к другу. Когда желание полового смятения вызвано любовью, то физическая близость лишена жадности, потребность покорять или быть покоренным, но исполнена нежности. Если желание физического соединения вызвано не любовью, если эротическая любовь еще не дополняется братской любовью, это никогда не приведет к единству, которое было бы чем-то большим, чем эротическое, преходящее единение. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви это единство оставляет чужих такими же чужими, какими они были прежде. Иногда оно заставляет их стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что, когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. Нежность не означает, как думал Фрейд, сублимацию полового инстинкта, это прямой результат братской любви, и она присутствует как в физической, так и в нефизической формах любви.

В эротической любви есть предпочтительность, которой нет в братской и материнской любви. Часто предпочтительность эротической любви неверно интерпретируется как привязанность, основанная на обладании. Нередко можно найти двух людей, влюбленных друг в друга и не испытывающих любви больше ни к кому. На самом деле их любовь — это эгоизм двоих. Два человека отождествляются друг с другом и решают проблему одиночества, увеличивая единичную индивидуальность вдвое. Они достигают чувства преодоления одиночества, однако, поскольку они отделены от всего остального человечества, остаются отдельными и друг от друга, и каждый из них отчужден от самого себя. Их переживание единства — иллюзия. Эротическая любовь делает предпочтение, но в другом человеке она любит все человечество, все, что есть живого. Она предпочтительна только в том смысле, что я могу соединить себя целиком и прочно только с одним человеком. Эротическая любовь исключает любовь к другим только в смысле эротического слияния, полного соединения во всех аспектах жизни, но не в смысле глубокой братской любви.

В сущности, все человеческие существа одинаковы. Мы все часть Единства, мы — единство. А раз так, то не должно быть никакой разницы, кого любить. Любовь должна быть по существу актом воли, решимостью полностью соединить жизнь с жизнью другого человека. Для современной западной культуры эта идея оказалась от начала до конца неприемлемой. Считается, что любовь должна явиться результатом спонтанной, эмоциональной вспышки, внезапно возникшего непреодолимого чувства. С этой точки зрения важны только характерные особенности двух захваченных порывом индивидов, а не факт, что все мужчины — часть Адама, а все женщины — часть Евы. Эта точка зрения не желает видеть такой важный фактор эротической любви, как воля. Любовь к кому-либо не просто сильное чувство, это решимость, разумный выбор, обещание. Если бы любовь была только чувством, то не было бы основания обещать любить друг друга вечно. Чувство приходит и уходит. Как я могу знать, что оно останется навечно, если мое действие не включает разумного выбора и решения?

Принимая во внимание все эти точки зрения, можно прийти к заключению, что любовь — это исключительный акт воли и обязательства, и поэтому в корне безразлично, каковы два человека. Такой вариант не учитывает парадоксального характера человеческой природы и эротической любви. Мы все — единство, однако каждый из нас уникальное, неповторимое существо. В наших отношениях с другими повторяется тот же парадокс. Так как все мы — одно, мы можем любить каждого человека братской любовью. Но ввиду того, что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных, особенных, в высшей степени индивидуальных элементов, которые есть у отдельных людей, но не у всех.

...Любовь не сентиментальное чувство, испытать которое может всякий человек независимо от уровня достигнутой им зрелости. Все попытки любви обречены на неудачу, если человек не стремится более активно развивать свою личность; удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности, отваги, веры и дисциплины.
Перевела с английского
Лариса ЧЕРНЫШЕВА.

НОЧНОЙ

Григорий ГЛАЗОВ

ПАСЬЯНО

Не исключено, что убийца отпер дверь «своими» ключами, которые потерял Шиманович. Или их у него выкрали. В этом случае убийца мог войти, когда соседка сидела уже дома и смотрела телевизор. Есть и еще один вариант: судя по тому, что в комнате нет следов борьбы — опрокинутых, сдвинутых со своих мест, разбросанных предметов, бумаг, вещей, — убийцу привел к себе сам хозяин... Но все это предположения... А вот туфель точно нет...

Обо всем этом Щерба думал по дороге в прокуратуру.

Войдя в кабинет, он позвонил Скорика, хотя и не надеялся его уже застать. Но Скорик оказался у себя.

— Виктор Борисович? Это Щерба... Что вы так поздно сидите? Понятно... Еще не читал, сейчас начну... Только оттуда... Скажите, какая обувь была на убитом?

— Шлепанцы. Суконные, со смятыми задниками, — твердо ответил Скорик.

— А новые черные туфли вам не попадались?

— Нет.

— Надо искать эти туфли. Почему они «ушли» из квартиры, понять не могу... Ну ладно, до завтра... Да, вот что: в жэке есть слесарь Войтюк Игнат Петрович, он делал новые ключи для Шимановича по просьбе соседки. Шиманович свои якобы утерял. Вы поняли меня?

— Понял, конечно! Установим через участкового.

— Ну, и что за человек этот Игнат Петрович.

— Да-да... Понятно, Михаил Михайлович.

— Вот теперь все.— Щерба положил трубку и подумал: «Не сделал ли Игнат Петрович еще один комплект ключей, для себя?» Потом достал из бокового кармана фотографию Шимановича, втиснул в серый конверт и засунул в ящик письменного стола, туда же отправил и изящный календарь-еженедельник Шимановича. Покончив с этим, Щерба принялся читать дело, попутно сравнивая свои впечатления после посещения квартиры Богдана Григорьевича с бесстрастной обстоятельностью документов — протоколов,

заклучений, экспертиз, начало которым положил осмотр места происшествия.

Он добрался до протокола первого допроса соседки. Она сказала, что Богдан Григорьевич, уходя, никогда не запирает дверь своей комнаты, упомянула о легковой машине, которую видела в ту ночь из своего окна. Машина стояла на противоположной стороне улицы, возле конечной трамвайной остановки, левыми колесами на бордюре.

След протекторов был довольно четкий — хозяин где-то въехал в битум; сделанные Скориком снимки хорошо «читались», и экспертиза ГАИ дала заключение, что резина радиальная, 6,45 x 13, в обиходе называется «ноль-третья», ею «обувают» «Ладу». Но попробуй найти машину! И где указания на то, что «Лада» эта имеет отношение к убийце, а не случайно оказалась там и принадлежит, допустим, какому-нибудь пенсионеру-отставнику?

«В пепельнице четыре сигареты «Орбита»...» — читал он протокол осмотра. Все погашены одним способом — осторожно потерты о стекло. Если предположить, что курил их только Шиманович, приблизительно по две в час, то это подтверждает заключение судмедэксперта, что убит Богдан Григорьевич между десятью и двенадцатью. Щерба понимал, что расчет этот до некоторой степени относителен, время тут может быть подвижно в ту или иную сторону: Шиманович мог начать курить, скажем, и в семь, и в восемь, и в девять часов, то есть значительно раньше того момента, когда вернулась домой соседка и увидела свет, бивший из щели под дверью. Но тогда бы и окурков было значительно больше. «Если идти от обратного, от двенадцати ночи, — высчитывал Щерба, — то вернемся к десяти, ну, к девяти. Четыре сигареты за два-три часа. Едва ли Шиманович или убийца зажигали свет до девяти, когда еще светло на улице... Нет, все-таки произошло это между десятью и двенадцатью... Богдан Григорьевич мертв, — думал Щерба. — Убийца жив. Если это не акт мести, то убийство не конечная цель. Но в чем она? Препятствие в лице Шимановича устранено. Что дальше?..»

Думая о круге лиц, с которыми мог общаться Шима-

нович, Щерба пришел к мысли, что в общем-то мало что знает о покойном. Его многолетние знания о Богдане Григорьевиче не выходили за круг личных впечатлений: добрый человек, умный, образованный, ироничный, честный, бесребренник, ходил по букинистическим магазинам, увлекался, можно сказать, профессионально собиранием и систематизацией старых документов, справочников разного рода. Вот и все, что мог сказать себе Михаил Михайлович о человеке, которого знал с 1946 года, почти тридцать пять лет. Все папки, бумаги, картотеки Шимановича, как представлялось Щербе, содержали сведения, касавшиеся давно минувших лет. Но кое-что тут, правда, могло кого-нибудь заинтересовать, если учесть, что у Шимановича имелся богатый материал по годам войны, оккупации. Но что и кого? Ведь бумаги Богдана Григорьевича имеют скорее общий справочный, а не компрометирующий характер...

Было уже совсем темно, когда Щерба вышел из прокуратуры...

28

Напротив кабинета Щербы на скамье сидел молодой человек с большим лысеющим черепом.

— Олег Иванович Зданевич? — спросил Щерба.

— Заходите.

— Куда садиться? — мрачновато спросил Олег, когда прошли в глубь комнаты.

— Куда угодно. Лучше поближе к столу, разговаривать удобней, — уловил Щерба агрессивную настроенность посетителя. — Фамилия моя Щерба, зовут Михаил Михайлович.

Олег сел, сжав и чуть выпятив полные губы.

— Мне поручено, — начал Щерба, — познакомиться еще раз с делом вашего отца и написать справку для обкома партии, поскольку жаловались вы туда, а переспали нам. Вынужден вас огорчить: ничего нового я не нашел, хотя вы и утверждаете, что ваш отец, командуя отрядом «Месть», самосуд не совершил.

— Утверждаю, — решительно дернул головой Олег. — И могу подтвердить документально.

— Каким образом? — спросил Щерба, будучи заранее уверен, что начинается самое неприятное: амбициозное упрямство, блеф, поток слов человека с сутяжным характером, который ломится в открытую дверь.

— У меня есть фотокопия протокола, когда судили тех, расстрелянных, партизанским судом, — торжествующе сказал Олег и насмешливо посмотрел Щербе в глаза.

— Вот как? — недоверчиво удивился Щерба. — И вы можете предъявить этот протокол?

— А как же! — Олег наклонился к портфелю, стоявшему у ног, и извлек лист фотобумаги и магнитофонную кассету «Денон» в прозрачном футляре-коробочке. — Вот! — Он протянул Щербе листок.

— Вы сюда? — спросил его Кухарь.
— Да, — кивнул тот.
— Там есть кто-нибудь?
— Не знаю.
Кухарь открыл дверь, вошел, плотно притянув ее за собой, сказал:
— Здравствуй!
Не вставая, Михаил Михайлович кивнул:
— Садись.
— Миня, ты знаешь, зачем я к тебе пришел?
— Догадываюсь... Одну минутку. — Щерба подошел к двери, распахнул и громко, чтоб Кухарь слышал, сказал сидевшему на скамье Олегу:
— Товарищ Зданевич, через пять минут я вас приму.
— Тот самый что ли, щенок его? — нахмурился Кухарь.
— Тот самый... Слушаю тебя.
— Ты можешь это дело прикрыть за давностью? Спустить на тормозах! Я в долгу не останусь, Миня.
— Не могу.
— Не хочешь? Мстишь?
— Ты дурак, Юрка. На, почитай. — И он протянул ему фотокопию протокола.
Прочитав, Кухарь бросил ее на стол:
— Филькина грамота... Зачем тебе это нужно?
— Это нужно не мне, а обкому партии.
— Прошло столько лет, какой смысл опять все ворошить?
— Сын Зданевича хочет реабилитировать отца.
— А я не хочу, чтоб пачкали моего покойного брата, заслуженного человека. И родственники расстрелянных тоже этого не допустят. Ты это понимаешь? Я подниму всех старых партизан из отряда брата! Я член бюро обкома, кое-какими возможностями обладаю.
— Твое дело. Мне равно безразличны и покойный Зданевич, и твой брат. В данной ситуации, во всяком случае.
— Ты уже сочинил справку?
— Да. Она на подписи у прокурора области.
— Некрасиво ты поторопился. Все-таки мы знакомы почти с детства. Мог бы предупредить, — сказал Кухарь, вставая. — Зря ты, Миня. Брат мой ничего худого тебе не сделал...
Кухарь удалился, не попрощавшись.
«Все! — подумал Щерба. — Враг номер один! Теперь он свое лицедейство отбросит... Из него ползет настоящий Юрка тридцативосьмилетней давности... А-а, черт с ним!»
По тому, как вышедший из кабинета человек посмотрел на него, Олег понял: происходившее в кабинете каким-то образом имело к нему отношение. Он взволновался и, когда вошел, пытался по лицу Щербы что-либо угадать, но тот был невозмутим...
— Я пригласил вас, Олег Иванович, чтоб сообщить: все, что от меня требовалось, я закончил. Может быть, мне не следует этого делать, но хочу ознакомить вас со справкой, которую прокуратура отправляет в обком. На этом наша миссия окончена. Всем остальным будут заниматься там. — Щерба не уточнил, что он имел в виду под «остальным», и протянул Олегу копию справки.
Пока Олег читал, Щерба, следя за его злым лицом с раскосо прорезанными глазами, подслеплыми высокими скулами, додумывал мысль, оборванную вчера приходом Сергея Ильича.
— Годится! — ухмыльнувшись, возвратил бумагу Олег.
— У меня к вам все же вопрос, Олег Иванович. Каким образом вам удалось достать фотокопию протокола?
— Это к делу не относится. Важно, что она есть. Есть и оригинал.
— А знаете, я вас вынужден огорчить: папку, где лежал этот оригинал, похитили. Есть заявление директора облархива.
— Ну и что? — равнодушно сказал Олег, но Щерба заметил, как натянулась кожа на его сжавшихся челюстях, как нервно прокатились под нею желваки.
— А то, что подтвердить подлинность фотокопии будет сложно. На каком же основании вы утверждаете, что папка с оригиналами в облархиве?
— Прослышал.
— От кого?
— Уже не помню.
— Двадцать четвертого июля некто спускается в подвал Армянского собора, похищает папку с документами отряда «Месть». Зачем, как вы думаете?
— А откуда мне знать? Может, это люди Кухаря, брата покойного, чтоб уничтожить.
— Логично. Но тогда непонятно, каким образом вам удалось заполучить фотокопию. Вам, кому она больше всего нужна. Также ведь логичный вопрос.
— Решать эти ребусы — ваша профессия.
— А я и решил: папку похитили вы. Спустились с фонариком в подвал. Сперва фонарик держали в правой руке, затем переложили в левую, а правой держались за стену, чтоб не упасть. И были крайне удивлены, а потом обрадованы, обнаружив, что дверь в отсек выломана, а ящики кем-то вскрыты. Вам сделали фотокопию, и вы тут же отравили папку заказной бандеролью владельцам, потому что узнали, что архивы из подвала уже убраны.

— Я про это ничего не знаю! — Инерция лжи дошла до упора.
Щерба понял и сказал:
— Зачем вы себя путаете? Зачем вам нужны были эти сложности? Узнав, что документы существуют, вам проще было сообщить об этом в обком, нам, наконец, чтоб мы затребовали.
— Я никому не верю. Вы внимательно прочитали бумаги? Пленку прослушали? Да этот Кухарь, брат того, бывшего председателя парткомиссии, на уши стал бы, чтоб протокол никто не увидел, никакая прокуратура! А мне нужна была гарантия — фотокопия на руках...
— И вы совершили хищение. Надо возбуждать дело.
— Сколько мне дадут? — угрюмо спросил Олег.
— Да ничего вам не дадут, — махнул рукой Щерба. — Дело будет прекращено по малозначительности. Ущерба вы никому не нанесли... Вы что, раньше не знали, что папка здесь, в архиве?
— Ее здесь не было. Она находилась в спецхране соседней области. Ее недавно передали... Мне на глаза попалась опись. Никто не знал о ее существовании. Кому нужны сейчас эти бумажки?.. Я могу идти?
— Идите.
— А фотокопию и кассету? — спросил Олег, стоя уже у двери.
Щерба достал из ящика фотокопию, повернулся к столику, где стоял магнитофон, хотел извлечь кассету, но, поразмыслив, сказал:
— Оставьте мне еще на день-два. На всякий случай. — Он не стал объяснять, на какой, подумав про себя: «Вдруг шеф, подписывая справку, захочет еще раз взглянуть на фотокопию протокола, а может, и послушать магнитофонную запись». — Я вам позвоню, зайдете, заберете... Телефон, который вы мне дали, какой организации принадлежит?
— Облархиву.
— Ах, вот что! — невольно вырвалось у Щербы, он тут же вспомнил, как удивился; увидев тогда в коридоре Зданевича. — И кем же вы там работаете?
— Фотолаборантом.
— Как просто! — засмеялся Щерба и покачал головой. Он мельком глянул на пальцы Олега, необычную их желтизну, удивившую при первой их встрече, и только сейчас понял: химикаты...
Щерба открыл ящик письменного стола, чтобы убрать туда фотокопию, и увидел прозрачную коробочку футляр от кассеты. Он потянулся к магнитофону, чтобы вытащить кассету, и тут из какой-то тьмы выпорхнул светлячок обособленной мысли. Мерцающие его крылышки мгновенно разрослись, наполнив своим светом все пространство, заслонив уже приоткрывшего дверь Зданевича, и по этому белому экрану промелькнула цепочка слов: «Архив — фотолаборант Олег Зданевич — фотокопии — архивы Шимановича — фотокопии его и рулончики фотопленки на столе и в столе».
Все это длилось долю секунды.
— Какая у вас зарплата, Олег Иванович? — спросил Щерба. По тону ответа можно иногда в какой-то мере понять психологию человека, его отношение к деньгам, к бедности, к богатству.
Олег подозрительно поглядел на Щербу, удивленный этим неожиданным интересом, но ответил:
— Не густо.
Щерба подошел к нему, вытащил пачку «Флуераша», предложил и закурил сам.
— Спасибо, я свои. — Олег достал из кармана «Орбиту».
— Женаты?
— Да.
— И дети есть?
— Дочь.
— Приходится подрабатывать? «Левые» фотокопии?
— Не занимаюсь, — хмуро ответил Олег.
«А вот это я постараюсь проверить», — мысленно решил вдруг Щерба и спросил:
— У вас машина есть?.. — И, выдержав небольшую паузу, добавил: — Все-таки отец покойный... мог...
— Стиральная, — насмешливо дернул губой Олег.
— Стиральная тоже неплохо, — смягчая напряжение, сказал Щерба. — Вы уж извините за любопытство. «Брось ты меня натягивать, нашел фрайера!» — подумал Олег и сказал:
— Так я пошел, до свидания.

Скорик пришел около одиннадцати. На сей раз он был без мундира, а в светло-голубой сорочке с жестко отглаженным воротничком и в легкой курточке, загоревшее лицо гладко выбрито, темные волосы тщательно причесаны, даже чуть прилизаны на висках. Он уже чувствовал себя в этом кабинете свободней, сразу сел к столу, достал из «дипломата» бумаги.
— Что у вас? — спросил Щерба.
— Выстроить весь день Шимановича не удалось. Соколянский посылал людей в книжные, букинистические, антикварные магазины. Публика там разная

третя: и библиофилы, и солидные спекулянты, и просто книжные жучки, паразитирующие на чьей-то страсти. Многие Шимановича знают, он, похоже, свой человек в этой среде. Ну, в смысле давний знакомый. Но в день убийства его никто не видел, хотя по субботам он обычно там появлялся.
— Вам или розыскникам фамилия Зубарев не попадалась?
— Нет. А кто это?
— На календаре-памятке есть запись, сделанная рукой Шимановича: «8 р. Зубареву. Том Кони дефектный». Тут фамилия, пожалуй, связана с книгой. Надо оперативным путем установить этого Зубарева.
— Я займусь... Участковым были опрошены соседи по улице. Шимановича там почти все знают. Но в тот день никто его не видел, кроме продавщицы из молочного магазина. Ящики с бутылками и бидоны со сметаной ей сгружают до открытия магазина. Так вот, она показала, что рано утром, когда втаскивала лоток со сметаной в подсобку, мимо прошел Шиманович и поздоровался с нею. Проверка лиц, вышедших из заключения, ничего не дала.
— Алиби?
— Можно считать, что да. — Скорик заглянул в бумажку, которую держал на краешке стола. — Слесарь из домоуправления, делавший по просьбе соседки ключи для Шимановича, Игнат Петрович Войтюк. Я беседовал с ним. Старик, семьдесят два года. Давно на пенсии. В штате домоуправления уже не работает. Но многие с этой улицы обращаются к нему по старой памяти. Пока дожدهшься слесаря по вызову, сто лет пройдет. Вот люди и идут к нему. Кто с просьбой прочистить канализацию, кто кран поменять, ключ сделать, замок врезать. Ключи действительно делал он, я ему их показал, он опознал. Характеризуется хорошо. Живет скромно. Их трое — сам Войтюк, невестка и двенадцатилетний внук. Сын — прапорщик — служит где-то в Средней Азии. Что тут еще? — Скорик снова посмотрел в свой кондуит. — Ага, пленка со стола Шимановича. Отпечатки пальцев, снятые с обоих рулончиков, пока идентифицировать не удалось. Плохо, что у нас нет банка. — Скорик вопросительно посмотрел на Щербу.
— Какого банка? — не понял тот.
— Банк памяти у ЭВМ. Заложил искомые «пальцы», нажал кнопку, и на дисплее получаешь ответ.
— Будет и у нас, — серьезно ответил Щерба.
— Когда? — обрадованно спросил Скорик.
— Когда я уже уйду на пенсию. А может, к вашему уходу на заслуженный... Ладно, вернемся к нашим баранам, Виктор Борисович. По тем результатам, которые мы имеем, у меня сложилось впечатление, что действовал тут одиночка. Нет впечатления присутствия вообще кого-либо постороннего. Если бы, конечно, не «пальцы» на рулончиках фотопленки и оставленное почему-то на тумбочке у двери орудие убийства. На теле Шимановича никаких следов борьбы, сопротивления — ни царапин, ни гематом. Убийство, похоже, непредумышленное. Но мотивы, мотивы?! Проник убийца, по всей вероятности, элементарно: явился через дверь и вышел через нее. Допустим, он пришел вместе с Шимановичем, тот его привел. Зачем? Образ жизни Шимановича? Книжник, скажем, архивариус. Привел, чтоб продать что-то, но не сторговались? Возникла ссора? Вряд ли. Шиманович, как мне думается, ничего не продавал, скорее приобретал. Предположим, убийца пришел, когда Шиманович был дома и сам открыл ему дверь. Значит, этим путем и удалился. Допустим, что преступник отпер замок утерянными Шимановичем ключами или похищенными у него, пришел с целью ограбить, но хозяин оказался дома. Убив его и увидев, что грабить тут нечего, он заглянул бы и в комнату соседки. Но там ничего не пропало. И последнее: убийца отпер дверь ключами, которые каким-то образом оказались у него, и стал ждать, когда явится хозяин. Скажем, была у него для этого причина. Едва ли Шиманович дал бы так, за здорово живешь, убить себя, какие-то следы борьбы мы бы обнаружили. Не мог он спокойно прореагировать на незванного гостя. И убит-то был внезапным ударом сзади, то есть жертва добровольно повернулась спиной, ничего не подозревая о намерениях стоявшего за спиной человека... Вы внимательно осмотрели весь дом?
— Да. Чердак, подвал. Ничего такого не нашел. Других дверей, кроме парадных, в доме нет.
— Из того, что мы знаем достоверно, это странное исчезновение пары черных туфель, которые, как утверждает соседка, обязательно должны были стоять на подстилочке у двери.
— Может быть, убийца переобулся в них, а свои унес в руках, чтоб не наследить?
Щерба пожал плечами.
— Туфли надо искать, Виктор Борисович, необходимо еще раз хорошо осмотреть дворик, он небольшой. И соседние, примыкающие к дому. Что еще исчезло из комнаты Шимановича? Этого мы не знаем. По утверждению соседки, все вещи Шимановича на месте. А вот что пропало из его книг, папок, документов? — Щерба посмотрел на Скорика, будто тот знал об этом и только ждал вопроса Михаила Михайловича, чтоб ответить.

— Как это установить? Там их столько!.. Михаил Михайлович,— начал осторожно Скорик,— мы все время мыслим об убийце «он». Но почему «он», а может быть, «она»? Магия грамматики: слово «убийца» — мужского рода?

— Смотри, куда вас увело! — засмеялся Щерба.— И кого же конкретно вы имеете в виду?..

— Если бы!..

— Тогда давайте уж отработаем один из малообещающих вариантов: соседка Шимановича, Теодозия Петровна. В ту субботу ее целый день не было дома. Дайте поручение людям Соколянского, мы должны знать, как и где она провела тот день. Надо установить ее приятельницу, у которой, по ее словам, она была и затем ходила с нею в церковь Петра и Павла на вечернюю службу. Хорошо бы отыскать отца Михаила, у него приход в селе, где она родилась. Она сказала, что встретила его в церкви в ту субботнюю службу. Ну и нелишне знать, в котором часу кончилась служба.

Скорик внимательно слушал, иногда коротко что-то записывал.

— Теперь вот что...— начал было Щерба и умолк, открыл ящик письменного стола, достал что-то завернутое в свежий носовой платок. То, что Щерба собирался сейчас поручить Скорику, было если не незаконным, то не очень чистоплотным. Он хорошо понимал это, и ему не очень хотелось, будучи зональным, приучать молодого следователя к подобным фокусам. Помимо этих соображений, имелось еще одно немаловажное: то, что он намеревался осуществить, являлось непроцессуальным, в случае удачи не имело бы никакой доказательной силы, любой судья утратит ему нос, потому завернутый в платок предметец, а именно коробочка-футляр от кассеты «Денон», не изъята на месте происшествия, не найдена при обыске, то есть не приобщена к делу подобающим образом — с оформлением протокола. Ее Щербе вручили в частной беседе, не имевшей никакого отношения к делу Шимановича. Единственное, чем он оправдывался перед собой, была утешавшая мысль: подтвердись то, во что он хоть и слабо, но поверил, в дальнейшем он найдет иную возможность закрепить версию чистенько, доказательно, процессуально. Щерба развернул платок.— Виктор Борисович, предвижу ваше удивление. Но ничего, липовать мы не станем. Просто хочу проверить одну свою мыслишку. Нужно отдать коробочку экспертам. На ней могут быть «пальцы». Их надо снять и сравнить с теми, что на рулончиках фотопленки из квартиры Шимановича. Вполне возможно, что мои предположения полная чушь, это у каждого из нас случалось, и у вас будет... Футлярчик этот в дело не попадет. А успокоиться хочу.

Не перебивая, Скорик выслушал тираду человека, за которым, знал, шла репутация сильного и грамотного следователя. Спросить хотелось у многом, но он сдержался и задал только один вопрос, кивнув на футлярчик:

— Чей он, Михаил Михайлович?

— Одно человека. Потерпите, не обижайтесь, я скажу вам попозже,— осторожно, держась за края платка, Щерба завернул прозрачную коробочку и протянул ее Скорику...

31

Утром, не заходя на работу, Сергей Ильич отправился на автостанцию, в фанерной будке купил билет на рейсовый автобус Подгорск — Ужва и, сев в полупустую машину, стал ждать отправления. Шофер в кабине что-то жевал, не спешил, хотя уже пора было ехать, видно, надеялся, что пассажиры еще подойдут.

Вчера и позавчера пришла почта из Литвы и Белоруссии — ответы на запросы Сергея Ильича из населенных пунктов Троки — Тракай. И никаких следов Бучинских: «Нет», «Не числятся», «Не проживали», «Не проживают», «Не значатся». Ни огорчения, ни разочарования эти ответы у Сергея Ильича не вызвали. Он привык к двум результатам в своей работе: «да» — «нет». И многолетнее такое однообразие не порождало никаких эмоций.

Сегодня он должен окончательно прояснить все, что касается Ульяны Васильевны Бабич.

Автобус выбрался из сутолоки центра и катил по широкому улицам нового микрорайона, за которым начиналось рыжее поле.

Коротая время, Сергей Ильич думал о том, какие дальнейшие шаги предпримет в поисках наследников 300 тысяч долларов, окажется Ульяна Васильевна Бабич не тем лицом, которое он ищет. И еще он подумал (впервые): странно, что Бучинский не оставил завещания, как это принято на Западе, тем более что оказался человеком состоятельным, и уж он-то знал, кто должен унаследовать все, что останется после его смерти. В чем же дело? Считал, что совершенно одинок, завещать было некому?..

Так он доехал до Ужвы. Тут же, на площади, где была конечная остановка, посидел на скамье, передохнул, покурил и двинулся на Черешневую улицу.

Калитка дома номер пять была заперта, окна затворены, и за стеклами видны были глухие шторы. Во дворе ни души. Стояв какое-то время и убедившись, что дом пуст, Сергей Ильич направился к соседней калитке, скобкой поднял щеколду, вошел во двор и по шуршащей гравийной дорожке поднялся на крыльцо, постучал в крашеную белую дверь.

— Входите, открыто! — раздался голос.

Войдя, Сергей Ильич не сразу увидел в темноватой прихожей хозяина, который, склонившись, переливал из молочного бидона в трехлитровую банку тягучий, приторно пахший цветками мед.

— Вы ко мне? — выпрямляясь и вытирая руки мокрой тряпкой, спросил хозяин.— Проходите.— Он первым прошел в дверь, распахнутую в светлую кухню.

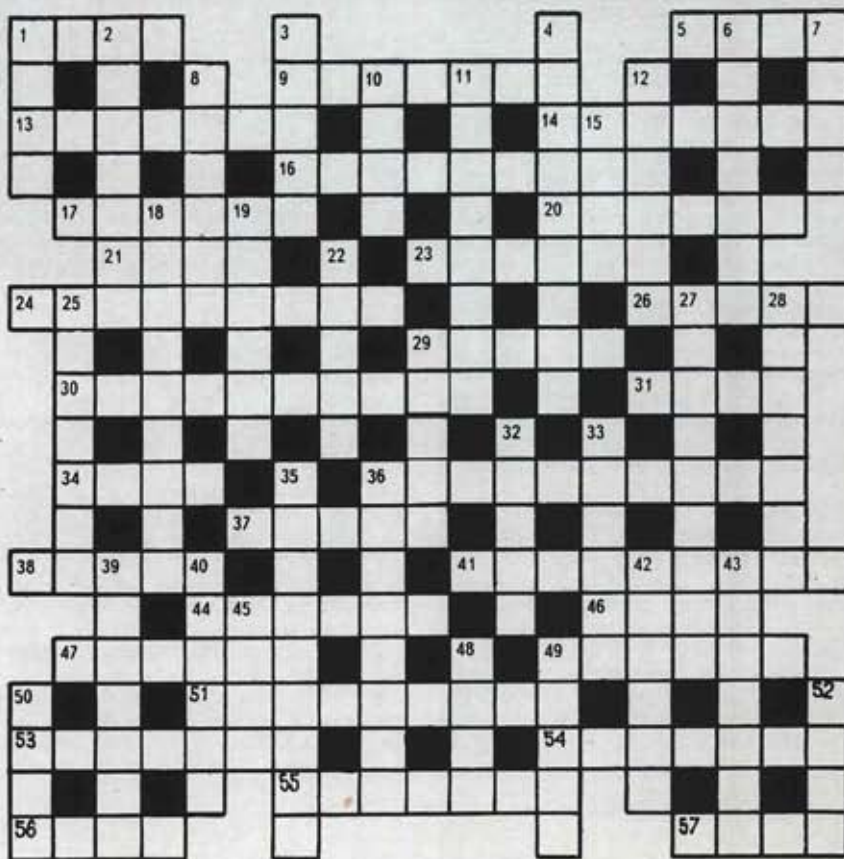

Рисунки Игоря ГОНЧАРУКА

КРОССВОРД

Составил Г. Баранов, Вязьма Смоленской области

По горизонтали:

1. Клепсидра (суть). 5. В России — князь, в мусульманских странах — 9. Русский художник, автор картины «Владимир перед Рогнедой». 13. Дрова, торф или уголь. 14. Город близ Рангун в Бирме. 16. Порт на Амуре, основанный в 1858 году как военный пост. 17. Похожий на сову новозеландский попугай. 20. Река в Азии, большая часть течения которой — ниже уровня моря. 21. Картина Э. Мане. 23. Орган местной власти в Италии. 24. Девушка у классной доски. 26. Цена товара за вычетом скидок. 29. Самый желанный в Забайкалье съедобный гриб. 30. Советский архитектор, один из авторов мемориального ансамбля в Саласпилсе. 31. Отличительный знак государства. 34. Лосось, серебристый в море и черный в нерестовой реке. 36. Спортсмен. 37. Неблагоустроенное жилище.

38. Весной «будет и дерзок и полон до края жалкий...» (Н. Некрасов. «Саша»). 41. Пленница ужимок, неестественных манер. 44. Светильник, по которому можно судить о вкусе хозяйки квартиры. 46. Роман А. Франса. 47. Героиня в романе Г. Флобера, которую он отождествлял с собой. 49. Старшина в повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...». 51. Лекарственное растение, в Африке цветущее каждый год, а в горшках на подоконнике очень редко. 53. Испанский писатель, чей «Критикон» повлиял на творчество Д. Дефо и Д. Свифта. 54. Французский мореплаватель; в честь которого назван пролив между островами Сахалин и Хоккайдо. 55. Самое высокогорное выючное животное Южной Америки. 56. Судовая лестница. 57. Газ, указывающий на месторождения олова.

По вертикали:

1. Пара. 2. Высокий женский голос. 3. Поэма, которую В. Маяковский думал написать после «Хорошо!», но не успел. 4. Чемпион мира по шахматам, в юности выигравший партию у Капабланки. 6. Переселенец. 7. Денежная единица Ирана. 8. Последняя матч на судье с тремя и больше мячами. 10. Деревянная обувь. 11. Писатель, предшественник Н. Гоголя в бесхитростном изображении природы и русского быта. 12. Город в Индии, родина Р. Тагора. 19. Широкополая шляпа. 22. Поприще актера. 25. Один из самых известных советских баянистов. 27. Непроходимая порой заросль вечнозеленого кустарника. 28. Представитель народа, у которого Новый год

сопровождается танцами лам. 29. Изумруд в одноименном рассказе А. Куприна. 32. Надпись на конверте. 33. «Аппассионата» Бетховена (жанр). 35. Дом отдыха. 36. Французский архитектор, один из основоположников классицизма. 39. Наименьшая величина электротока, способная возбудить живую ткань. 40. Незастроенное пространство перед крепостью. 42. Способ погрузки или хранения зерна без тары. 43. Афинский оратор, призывавший греков в поход на Персию, что и воплотил Александр Македонский. 45. Жилище, не раз упоминаемое в рассказе В. Г. Короленко «Сон Макара». 48. Имя белорусского поэта Купалы. 49. Личная доля в общем деле. 50. Самоцвет, из которого делали амулеты и талисманы «от глаза». 52. Обычное название взгляда в русских романах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

1. Якорец (якорцы). 4. Ковбой. 9. Штраних. 13. Узделл. 15. Слук. 16. Ауто. 17. Ерга. 18. Зонт. 19. ...желание... 21. Фармакогнозия. 22. Петрокрепость. 24. Бесприданница. 29. Радклиф. 31. Квас. 32. Чаща. 34. Иена. 36. Фирн. 37. Нигерия. 38. Грамота. 39. «Двойка». 40. Гранат.

По вертикали:

2. Кирхгоф. 3. Ринг. 5. Водолаз. 6. «Океания». 7. Ушлец. 8. Алтай. 10. Тур. 11. Хроматография. 12. Остроградский. 13. Уджунгпанданг. 14. Луи (Арагон). 20. Эрот. 23. Стих. 24. Будагов. 25. Солярий. 26. Анафора. 27. Френч. 28. Марал. 30. Ани. 33. Цит. 35. Цаца.

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

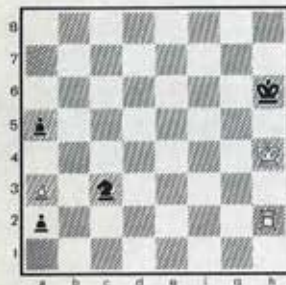
Финиширует наша очередная шахматная олимпиада. Участникам заочного соревнования предстоит решить три заключительных задания. Ответы на каждое задание просим присылать на отдельной открытке.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТУР

Белые: Крс7, Лс8, Кd6, п. d2 (4)
Черные: Крд4, пп. c2, c4 (3)
Выигрыш (4 балла)

II

Белые: Крh4, Лh2, п. a3 (3)
Черные: Крh6, Кс3, пп. a2, a5 (4)
Ничья (4 балла)

III

Белые: Крf2, Кb1, Кс2, п. f3 (4)
Черные: Крb2, Лb3, Кh2 (3)
Ничья (5 баллов)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. XIV тур». На открытках следует также указать свою фамилию, имя и отчество, спортивный разряд и домашний адрес.

Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 декабря.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1496) СЕНТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САОШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 04.08.89.
Подписано к печати 17.08.89.
А 00342. Формат 70 × 108/16.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл.-печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 1062.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

участников, когда они узнают свои оценки (!!!). Поистине задумка из ряда вон выходящая. Любопытно также, что в одном из «предъюрмальских» интервью Раймонд Паулс заявил, что в «этом году будет честный (?) конкурс». Следовательно, прошлые годы...

И там не менее я глубоко убежден, что оценки жюри весьма точно отражают реальную расстановку сил на конкурсе. Бесспорно, все пятеро призеров были сильнейшими на этом песенном марафоне, и все дело в очень непродуманном, нелогичном сценарном построении телешоу, из-за которого и зрители оставались в неведении, и артисты в течение двух дней были на пределе нервов. Даже те из певцов, кто осознавал свое лидерство, не находили себе места. «Я очень плохо себя чувствовала эти два дня,— жаловалась Анжелина Петросова.— Все время была в таком напряжении, что не могла ни есть, ни спать...» Но ожидание Анжелины было вознаграждено, и, естественно, на гала-концерте она выступала с подъемом. Но ведь никто из лауреатов не терял надежды на победу. «Я жил эти дни ожиданием,— говорил певец из Ленинграда Владимир Харитонов.— Мне казалось, что я выступил на втором туре хорошо. Но когда узнал, что не занял никакого места, все как-то обрушилось... Какое уж тут настроение!» Да, сценарный ход обернулся палкой о двух концах...

Надо сказать, что и у жюри подобное нововведение не нашло поддержки. И ошибаются те, кто думает о всемогуществе этого органа на юрмальском фестивале... Кстати, вопрос об институте жюри вообще давно занимает всех организаторов соревнований. В Юрмале собрались для оценки выступлений очень симпатичные и неслучайные люди. Одни фамилии как звучат! Лещенко, Понаровская, Йоалла, Корнелиус, Матецкий, Резник и т. д. Никто не сомневается в высоком профессионализме и вкусе этих людей, но дело, на мой взгляд, в другом. Во-первых, кого считать «эталонным» эстрадным певцом, и, во-вторых, нужно ли вообще жюри на подобных соревнованиях?

На первый вопрос, может показаться, найти ответ легче легкого: певец должен обладать хорошим голосом, быть обаятельным, привлекательным, оригинальным, иметь «свой» репертуар и т. п. Все это замечательно, но что ставить во главу угла? Сценический имидж? Вокальные данные? Оригинальность? Все годы «Юрмала» все-таки ориентируется на поиски «рафинированного» вокалиста, который бы мог исполнять весь диапазон «песен советских композиторов». Исходя из такого требования можно утверждать, что ни юный Шарль Азнавур, ни Род Стюарт, ни Боб Дилан не прошли бы даже первый тур соревнований в Юрмале. Зато среди лауреатов вполне могла бы оказаться Сандра... Я хочу ска-

зать, что, к сожалению, яркая индивидуальность у нас пока стоит далеко позади вокального умения. Может, как раз тут и зарыта собака?

Что касается самого присутствия жюри на конкурсе, то оно мне кажется излишним. Я понимаю, что у нас любой конкурс без жюри — это все равно, что собрание без президиума. И все-таки... Ведь дело не в том, как жюри будет оценивать исполнителей — «втемную» или «всветлую». Все равно будут недовольные зрители, будут и разговоры о «махинациях». Так пусть телезрители выбирают сами. Как? Телефонными звонками, телеграммами, исключением телевизоров и т. д. — не суть важно. Главное, в этом случае мы будем: а) знать то, что победитель действительно имеет потенциал стать всенародной звездой; б) иметь картину вкусов почитателей «Юрмалы»; в) избавимся от ненужных разговоров; г) внесем свежую струю в начинающийся застаиваться конкурс и т. д.

И, конечно же, было бы целесообразно заинтересовать в конкурсе и композиторов — дипломом, премией, призом, чтобы был и у них стимул ставить на «темных лошадей» в песенном забеге. Но для всех этих изменений «Юрмале» нужен один хозяин, нужен отлаженный механизм проведения отборочных туров и, конечно, полная гласность.

Кстати, нелишним было бы заинтересовать в работе на конкурс и студии звукозаписи, скажем, посред-

ством той же рекламы. Ведь без качественной фонограммы любой участник обречен на провал.

И если уж совсем размяться, то неплохо было бы увеличить «удельный вес» конкурса за счет суперзвезд нашей и — гулять так гулять! — зарубежной эстрады. Скажем, в том же Сви-Ремо проходит параллельно два соревнования: между «молодняком» и между «авторитетами». И, надо сказать, популярности итальянского конкурса это идет только на пользу. Более того, для пущей солидности и на радость публике на конкурс приглашаются «звезды» мирового уровня, как-то: Элтон Джон, Пол Маккартни, «Дюран-Дюран» и иже с ними. Вот бы нам...

Но вернемся на советскую землю. Очень хочется быть оптимистом, очень хочется, чтобы слова отливались в дела, количество — в качество... Но пока это все не более чем маниловщина, и «Юрмала», как было сказано выше, является отражением дел во всем эстрадном королевстве. А там, увы, друзья, увы, разброд и шатания под музыку «Ласкового мая» и шелест дензнаков 61-го года выпуска. И все-таки я надеюсь, что не просто будет людям в уютных кабинетах окончательно погубить те замечательные порывы, которые несет в себе основная идея конкурса. Спящий да проснется! Ведь в самом слове «Юрмала» слышится шум запутавшегося в соснах ветра...

Лауреаты «Юрмалы-89»